

Галина Лебедева

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОГУРЕЧНОЙ ЛОШАДКИ

Machaon

Галина Лебедева

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОГУРЕЧНОЙ ЛОШАДКИ

Сказка

Художник Борис Тржемецкий

Москва
«Махаон»
2008

Моей дочери Екатерине

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тётка Полина сидела на грядке и рвала огурцы, надвинув шляпку с бантом на самый нос, чтобы не слепило солнце. Медленно разгибая онемевшую спину, тётка Полина поднялась да так и осталась стоять, разинув рот, потому что увидела чудо.

Путаясь в огуречной ботве и высоко поднимая тонкие зелёные ноги, на дорогу выбирался большой огурец, похожий на лошадку: зелёное туловище, такая же огуречная голова, огуречный хвостик-огрызок... Лошадка никого не боялась. Она вскинула голову и залилась восторженным ржанием. Блеснули на солнце белые зубки-зёрнышки, и звонкое эхо отозвалось на чердаке дачи.

Тётка Полина, осторожно переступая через путаницу огуречных листьев и цветов, вышла на дорожку и на цыпочках стала красться за Огуречной Лошадкой. Та скакнула и исчезла в зарослях малины.

– Померещилось, солнышком голову напекло, – решила старушка и до самого порога всё кивала головой и разводила руками: что за привидение?

В доме слышались охи, вздохи и звон посуды. Вскоре она вынесла большой эмалированный таз, из которого поднимался нежный пар. Тётка Полина шла к своей любимой козе Алексашеньке.

Натянув струной длинную верёвку, коза ждала. Она чутко шевелила ноздрями, предвкушая обед.

– Ласточка ты моя, рыбонька, – улыбалась тётка Полина, приближаясь к козе. – Заждалась, бедная, голоденькая моя! Сейчас я, сейчас, деточка, вот гляди, чего принесла!

Тётка Полина подсунула козе таз, прилаживаясь доить, как вдруг Алексашенька взбрыкнула, закрутила башкой и заверещала:

– Отстань! Не дамся!

– Чегой-то ты? – испугалась тётка Полина. – Не дури, молоко нынче дорогое. Тому – литр, другому – литр... глядишь, тысчонка в кармане.

– Во-во! Карманы от денег трещат, а меня голодом моришь! Суёшь объедки какие-то. А мандаринку, или бананчик там, или ещё чего-нибудь, так это – фигушки... Жлобиха! Киви хочу, ки-ви-и-и-и! – завывала она. – Вон по телику показывают, какие сласти бывают! А что я вижу? Капусту, очистки да огрызки! Не дам молока! Надоело! Весь день на верёвке, как циркуль, кручусь! Вот удавлюсь, тогда будешь знать! Поплачешь!

– Что ты, что ты! И не вздумай! – Тётка Полина бросилась на шею Алексашеньке. – Ну дай молочка-то чуть-чуть, хоть маленькую баночку. А я тебе за это дам... – Она торопливо порылась в карманах. – Во! Нашла! Жвачку! На, попробуй – надувная! Пожуёшь, пожуёшь – надуешь! Пожуёшь, пожуёшь – надуешь!

Коза усмирилась: жмурясь от удовольствия, она жевала. Тётка Полина не теряла времени даром. В ведёрко звонко цикали молочные струйки.

– Это надо же, а? Фрукты, паршивка, не ест. Себе того не готовлю, что ей: то салатик, то компотик... В красивом новом тазу подаёшь ей, скотине рогатой! – ворчала она. – Нет, всё ей не так!

– От одной твоей шляпы молоко пропадает! – насмешливо встала словечко Алексашенька, и надувшийся пузырь звонко щёлкнул. Жвачка пришлась ей по вкусу. – Завтра ещё такую жвачку прине-

сёшь! Я жувачку люблю. А шляпу свою на пугало надень. Она из моды вышла. Бе-е-е... б-е-е... безвкусица-а-а!

– Ну это уж фигушки! Учи учёного, съешь яблочка мочёного, – решительно сказала тётка Полина. – Ты говори, да не заговаривайся! Опять молока на донышке. Что я соседу понесу? Скоро совсем доить-ся перестанешь! Держись у меня – я тебе рога-то обломаю!

Тётка Полина поднялась. Забрав полный таз и почти пустое ведёрко, она собралась уходить. Тут её будто громом поразило. Она остановилась разинув рот. На дороге появилась та самая лошадка, которую она видела в огороде.

Батюшки! Не померещилось!

Лошадка была не одна. На спине у неё сидела соседская девчонка Катя. Они ехали шагом и весело болтали. Им было так интересно и хорошо, что тётку Полину они даже не заметили и продолжали путь к лесу. А тётка Полина прибежала домой, перелила молоко в банку и, накрыв её чистой марлечкой, поспешила к соседу на его двухэтажную дачу.

Проходя мимо этой дачи, жители посёлка удивлялись: вот так дачка! Калитка железная, забор колючей проволокой обтянут, и каждая штакетина заканчивается гвоздём. Это чтобы кто-нибудь не вздумал через забор перелезть. Ровные грядки клубники тянулись от самого забора до гаража. Ни детям, ни собакам, ни всяким прочим кошкам сунуться сюда было невозможно. И даже птицам не разрешалось садиться на вишни и смородину. За порядком в саду следило пугало. А на крыше дома торчал лес антенн, электропугалок и ветровых хлопшек, чтобы гонять ласточек, синиц и воробьёв. Маленькие и большие вертушки и флюгера так сильно трещали на ветру, что казалось, дача вот-вот поднимется над посёлком, как вертолёт.

Молочнице пришлось долго ждать у калитки, прежде чем хозяин услышал трели звонков и нажал на кнопку, открывающую все замки. А их было больше десятка и все разные. Наконец калитка отворилась. Подходя к дому, тётка Полина прислушалась: на чердаке разговаривали.

– Ну так и есть, приятель пожаловал. Повар, – узнав голоса, пробормотала тётка Полина. – Принесла его нелёгкая! Теперь трепаться

будут, словечка не вставишь... Не то чтоб новость рассказать да разузнать самой, что слышно.

Приятели стояли у чердачного окна и наперебой хвалились друг перед дружкой.

– Всё сам своими руками сделал, – говорил хозяин дачи. – Всю жизнь возле самолётов провёл. Как муравей по соломинке свой дом строит, так и я – по винтику, по гвоздочку... Вон какие стены отгрохал! – И он довольно потёр свои здоровенные ручки.

– И я, и я тоже! – перебивал его Повар. – По крупиночке, по крошечке наташил. Всё в дом, всё в дом. Вот и создал, обратите внимание. Во-о-о-н он, отсюда сверху очень хорошо видно. Игрушка! Всё есть: кладовки, сушилки, коптильня, банька, погреб, парник, холодильников – два! Один на веранде, другой на чердаке.

– Господи! И зачем столько одному? – изумилась тётка Полина. – Ведь бобыль бобылём: ни жены, ни детей. Хоть бы кошку завёл или щенка бездомного подобрал.

– Зачем, зачем... Надо! Вот зачем. Чтоб было, – сказал Повар и посмотрел на неё как на тупую. – Прилезла – и стой тихо...

– А я лётчиком хотел стать, – перебил его сосед. – Хорошо лётчикам платят. Но за эти деньги летать надо, а я высоты боюсь. Высоты боюсь! Ещё упадёшь – костей не соберёшь. Подумал я, подумал да и раздумал. Да ну его, ей-богу. И решил я изобрести чего-нибудь, чтоб сразу прославиться.

– Ишь ты, размечтался! – хихикнула в кулачок тётка Полина. – Ты новую вертушку изобрети на крышу. И никакой ты не изобретатель. Дачник-неудачник – вот ты кто, – ворчала себе под нос тётка Полина. – Тебя и в посёлке все так зовут. А то сам не знаешь.

На минуту разговор затих. Теперь приятели внимательно смотрели: один – в бинокль, другой – в подзорную трубу. Тётка Полина не выдержала и тоже высунулась в окно: что там такое?

– Тэк-тэк-тэк... – волнуясь, водил трубой Повар. – Первый раз вижу огурец такой дивной формы и таких гигантских размеров!

– И на нём девчонка верхом едет, – изумился Дачник-неудачник.

Тётка Полина оттёрла от подзорной трубы Повара и прильнула к ней.

– Ну да, это она! Моя, зелёная эта! С моего огорода!

– Что значит «моя»? Сразу же «моя»! – опустив бинокль, возмутился Дачник-неудачник.

– Вы что, её купили? – поддакнул Повар и отодвинул тётку Полину в сторону.

Они снова замолчали и следили за Огуречной Лошадкой, пока та не скрылась за деревьями.

– Надо же, бегают! Биоробот, что ли?

– Это же мечта, а не огурец! Но почему он живой? – недоумевал Повар.

Больше они не разговаривали, но каждый думал о своём. Дачник-неудачник думал вот что: «Поймать бы её, измерить, потом по ней чертёжик сделать. И заявочку на изобретение – раз! Мол, вот вам чудо техники! Поди докажи, что, мол, не я её изобрёл. А если станут спрашивать, на каком горючем она работает, скажу – на огуречном рассоле! Ха-ха-ха! Весь свет смотреть сбежится».

«Это чудо, а не огурец! – думал Повар. – Какое необыкновенное кушанье я из него приготовлю. С чесноком, с подливочкой! Сразу же прославлюсь, стану лучшим поваром в мире! Интервью, поездки, слава! Всемирная известность! А в Книге рекордов Гиннеса мой рецепт напечатают».

– Поймаем? – предложил он. – Я вас на торжественный обед приглашу! Главным блюдом будет эта огуречная коза... или лошадь... не важно... запечённая в духовке!

– Только попробуй! – рывкнул Дачник-неудачник. – Только руки протяни – протянешь ноги! – И огромный волосатый кулак изобретателя возник перед носом Повара. – Мне она нужна самому, но для более возвышенной цели. Для науки!

– Ишь ты, разлетелись на чужое добро! – наступала на них тётка Полина, потрясая кулаками, тоже довольно крепкими. – Моя она, моя! Моя! На моей огуречной грядке выросла! Моей козе Алексашеньке подружка будет! Вместе они и поедят, и поиграют... Может, она, моя Алексашенька, капризничать перестанет, доиться лучше будет. – Тётка Полина заплакала, сморкаясь в краешек фартука. – И что же вы, ироды, меня, сироту, обижаете? Ишь, сколько нахапали добра! И всё мало?! – голосила она на весь посёлок.

– Да тихо ты! Тихо! – бросился зажимать ей рот Повар. – Договоримся, договоримся... Мирно, любовно. – Он полез в карман и достал огромный кожаный кошелёк.

Когда он раскрыл его, у тётки Полины остановилось на миг сердце, а потом забилось так сильно, что запрыгала шляпа на макушке. Столько деньжищ она никогда не видала. Не успела она сообразить, что ей говорить, что делать, как Дачник-неудачник вынул из нагрудного кармана своей кожанки ещё более увесистый бумажник и покачал его на ладони перед её носом.

– Ну, что теперь скажешь? – усмехнулся он.

– А ничего! – сказала тётка Полина. – Я согласна! Продаю!

Она быстро цапнула кошелёк Повара, а заодно прихватила бумажник его соседа. В два прыжка она выскочила за дверь. Тра-та-та – прогрохотали её башмаки по самолётному трапу вниз. Хлопнула калитка, и наступила тишина.

– Ну, теперь-то мы договоримся? – спросил Повар. – По-интеллигентному?

– И договариваться нечего. Не уступлю, и всё! – сказал Дачник-неудачник.

– Во всяком случае, я на неё тоже имею право: я отдал свой кошелёк.

– Ха-ха-ха! Тоже мне, кошелёк! Туда же! Да разве это деньги? – хохотал он. – Вот у меня кошелёк – это да! И денег я отдал в сто раз больше! Ясно?! Так что разговор окончен: она – моя!

– Нет моя! – не уступал Повар.

– Моя!

Соседи спорили до ночи и разошлись врагами.

* * *

Весело подпрыгивая на прохладной спине Огуречной Лошадки, Катя ехала лесом, потом лугом, а потом они помчались по чистому полю. Катя размахивала руками, и ветер, пропахший ромашками и клевером, трепал ей волосы, развевал сарафан.

– Поскачем, полетим, понесёмся!

Лошадка, пригнув огуречную голову, вытянувшись в стремительном полёте, неслась над полем, и колоски ударяли Катю сначала по

лицу, потом по груди, потом по коленкам и уже щекотно струились по её загорелым лодыжкам. Лошадка оторвалась от земли и взлетела, всё набирая и набирая скорость. Катя, шурясь от сильного ветра, летящего навстречу, обняла её прохладную шею, взглянула из-под локтя на убегающие назад домики посёлка, на пруд с крошечными гусями и счастливо засмеялась:

– Летим!

Стайкой серых рыбок метнулись воробьи, исчезнув с дороги, а стриж чиркнул крылом по Катиной щеке, но она успела увидеть его озорной чёрный глаз.

– Давай! Давай! Давай! – закричала Катя. – Обгони!

– Держись крепче! – крикнула в ответ Лошадка.

Стриж, свистнув, остался далеко позади, и они помчались ещё быстрее. Над полем неподвижно висел жаворонок. Его крылышки так быстро трепетали, что казалось, будто их нет вовсе. Так исчезают спицы в колёсах при большой скорости. Жаворонок поднимал свою песенку к самому солнцу, и тогда его трель становилась тонкой-тонкой. Он исчезал высоко в небе и тут же возвращался на землю, чтобы взлететь с новой силой.

– Быстрее за ним! – крикнула Катя Лошадке, и они пошли спиралью вверх.

Выше, выше!

– Осторожно! Не сбейте меня! – пискнул жаворонок возле самого Лошадкиного уха. – Держитесь правей!

От неожиданности Огуречная Лошадка сразу же затормозила, а в полёте этого делать никак нельзя: тут же свалишься! Но у самой земли Лошадка собралась с силами и, сделав плавный круг, села на верхушку старого дуба.

Хорошо, что Катя не растерялась и держала подол своего сарафана так, что получился красный парашют с белыми горошками.

– Уф! Приехали! – усаживаясь поудобнее на ветке рядом с Катей и улыбаясь всеми зубками-зёрнышками, сказала Лошадка. – Ну и летать с тобой! Ногами дрыгаешь! За шею чуть не удушила! И советами замучила: то правей, то левей, то обгони, то тормози... А на вираже набок сваливаешься. Больше не буду катать.

– А-а-а, не честно! – прищурилась Катя. – А кто парашют придумал, когда мы чуть не свалились с неба?

Лошадка смущённо посмотрела на Катю и тихонько засмеялась:

– Если бы не ты – пропали! Ну ладно, прощаю! Давай-ка подумаем, как на землю слезть.

Они сидели на ветке, а вокруг сияло солнце. Будто шёлковые и бархатные лоскутки, летали над поляной бабочки. Стрекозы трещали сухими крыльями над фиолетовыми стрелами кипрея. Хотелось лечь в траву, раскинуть руки и смотреть, смотреть в небо, на бабочек, на жаворонка...

Катя уже пошевелила ногой, отыскивая сук потолще, чтобы слезть, как вдруг из-за кустов вышел Дачник-неудачник и устало свалился прямо под дерево.

– Весь день я за этим огурцом по кочкам прыгаю! Он, оказывается, ещё и летает!

И тут Дачник-неудачник прямо перед носом увидел две качающиеся ноги, а ещё выше – румяную глазастую рожицу и лохматую чёлку с репьём. Там, на суку, сидела девчонка, а рядом с ней – Огуречная Лошадка. Она смотрела прямо на него и покачивала копытцем.

– Вот она! Нашёл! – вскочил на ноги Дачник-неудачник, не помня себя от радости. – Сейчас я тебя, голубушку, сцапаю! Слезайте! Слезайте! Я тебя, девочка, знаю: ты с Привокзальной улицы. Да?

– Да, – кивнула Катя.

– Я и твою маму знаю! Иди ко мне, я тебя ссажу.

Катя испуганно поджала ноги и сказала:

– Нет-нет, зачем же, я тут посижу.

– Деточка, а кто это рядом с тобой? – не унимался дядька.

– Это моя подружка, – терпеливо ответила Катя.

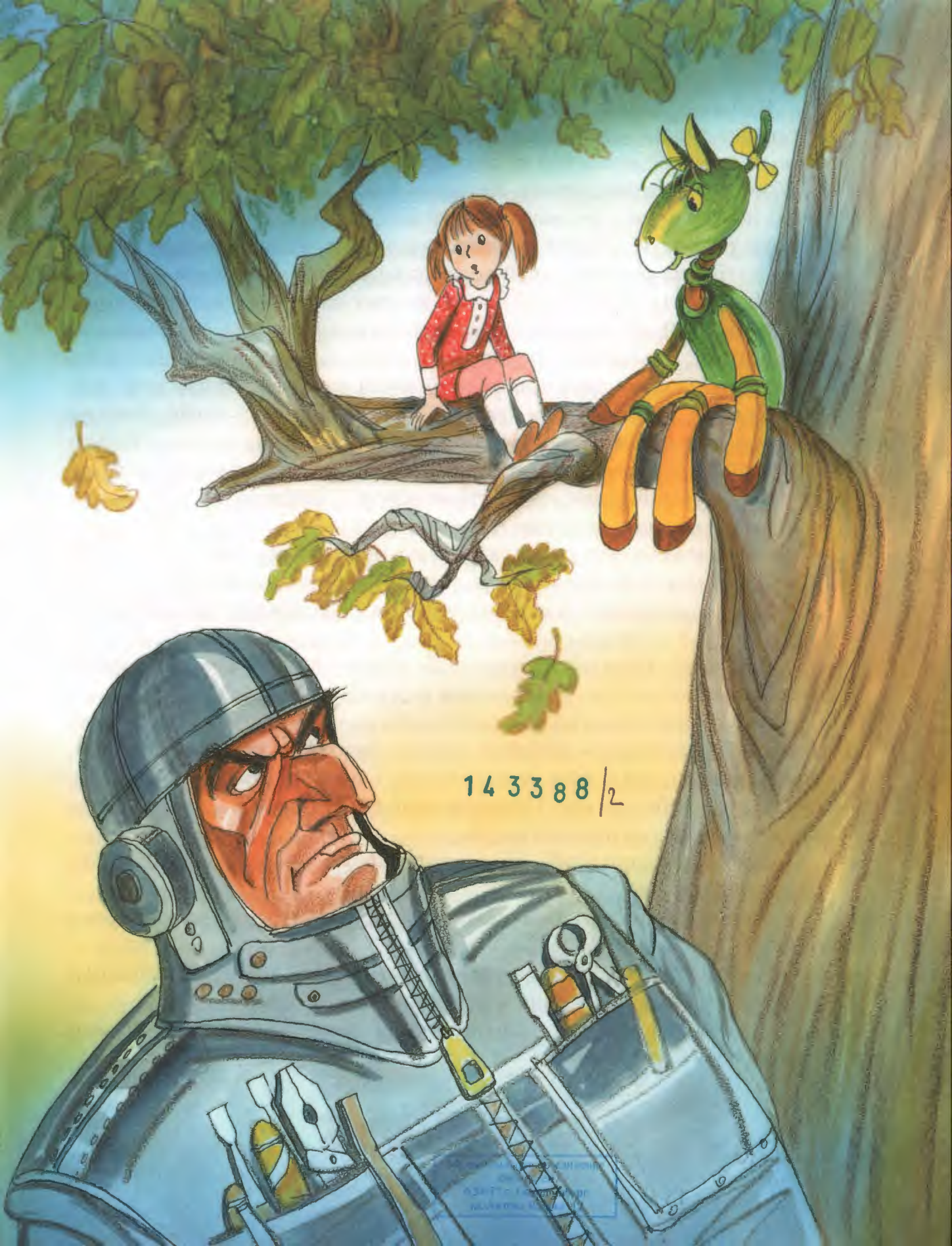
– А где живёт твоя подружка?

– Не знаю, – пожалала плечами девочка.

Она действительно не знала, где живёт Огуречная Лошадка. Утром они встречались, а вечером расставались. Стоило Кате сорвать острую травинку и, сильно натянув её, как струну, дунуть – травинка издавала звук высокий и ликующий, как пенье петуха, – и Лошадка тут же прибегала.

14 33 88 / 2

– Кто же её хозяин? – всё приставал Дачник-неудачник. – Вдруг она кусается? А что, если у неё чумка? А справка у неё есть, что ей разрешается играть с детьми? А ну слезайте сейчас же!

Кате не хотелось слезать. Лошадке тоже. Так было хорошо! И вот тебе, пожалуйста: с дерева снимают, вопросы всякие задают...

– Не слезем. И вообще, с незнакомыми я не разговариваю! – ответила Катя и на всякий случай перебралась на ветку повыше.

– Ну что ты испугалась? – как можно ласковее сказал Дачник-неудачник. – Я же хороший. Я просто хочу пригласить вас с подружкой в гости. У меня интересно. Есть бинокль. Если в него посмотреть с балкона, можно даже узнать, привезли в магазин пиво или нет, и продаётся ли мороженое. Видно, какое кино будет в клубе. Даже на Луну смотреть можно. Видно всё: и моря, и кратеры, и горы. Только я не смотрю. Страшно. Вдруг лунатиком станешь? Ещё у меня есть настоящий лётный шлем, самолётное кресло с ремнями. А ещё... – Он задумался: что же у него ещё есть?

Катя сидела на суку, слушала, разинув рот, и не верила своим ушам.

– А если на Луне космонавты ходят, то в бинокль видно?

– Ещё бы, конечно! Как раз сегодня там высадились новые космонавты!

– Здорово! – Катя повернулась к Лошадке: – Может, съездим к нему? Только посмотрим на Луну разочек и вернёмся. Ладно?

– А разве тебе мама разрешает ходить по чужим домам? – спросила Лошадка, разглядывая дубовый листок, будто всё, что происходило, её не касалось, но всё же не нравилось. Она даже стала тихонько насвистывать себе под нос. Потом нетерпеливо сказала: – Давай всё же слезать, а то я уже ногу отсидела.

– Так как же, придёте? – не отставал Дачник-неудачник. – Я ждать буду, вишен нарву...

– Ладно, завтра, – сказала Катя, чтобы отвязаться от назойливого дядьки.

– Честно, без обмана? – обрадовался он. – Мой дом с флюгерами! – И, довольный, быстро пошёл по тропинке к посёлку.

На повороте он ещё раз оглянулся, дружески помахал ручкой и скрылся в березняке.

Тут Катю что-то легонько щёлкнуло по макушке. Коричневый жёлудь, сверкнув на лету, упал в траву. А за ним посыпались ещё и ещё...
– Ой-ой-ой! – поёжилась Катя.

А по спине Огуречной Лошадки жёлуди барабанили, как град по крыше. Откуда столько?

Внезапно на ветке прямо перед Катей появилась Белка. В лапках она держала заплатанный мешок и огорчённо рассматривала новую дырку.

– Ох, простите, простите! – причитала она. – Такое несчастье на вашу голову! – Она запыхалась и часто дышала, ожерелье из рябиновых ягод так и ходило на её груди. – Мы жёлуди-то не особенно любим, – вздохнула она, сворачивая рванный мешок, – но поговаривают, зима будет голодной, а грибов нынче мало. Вот я и запасаясь желудями. С утра собирала, а мешок-то и не выдержал – расползся. Уж не сердитесь... Пойдёмте ко мне в гости! Чайку попью! – Белка радушно разводила лапками, и кисточки её ушек светились на солнце. – У нас дупло здесь, только подняться чуть-чуть повыше.

Кате очень захотелось в гости к Белке. Поддерживая Лошадку, она перелезла на два сука выше и сразу нащупала ногами маленькие сухие ступеньки, которые вели вверх по стволу дуба. Катя ухватила за крошечные перильца, отполированные до блеска, и пошла вверх по винтовой лесенке. Следом за ней топала Лошадка.

На дощечке под кнопкой звонка было написано: «Профессор Хвостатов. Просьба с утра не беспокоить». В дупле было тепло. Топился камин, горели свечи, многократно отражаясь в чашках и рюмочках на длинных дубовых полках. От огня казались красными корешки книжных переплётов. В углу висели часы. Через каждые пять минут из окошечка высовывалась старушка с длинным носом и кивала головой, приговаривая: «И раз, и два, и три...», потом сердито грозила пальцем и пряталась, захлопнув дверцу.

Катя переступила порог, едва не задев за низкую притолоку. За нею – Огуречная Лошадка. Она аккуратно потопталась на коврике из еловых веточек, чтобы стряхнуть с копытцев пыль, и присела возле Катиной ноги слева, как это всегда делают хорошо воспитанные собаки.

Старый профессор Хвостатов поспешил к ним. Поредевшие кисточки на его ушах слегка покачивались. Он протянул Кате чёрненькую с блестящими коготками лапку:

– Милости прошу, гости дорогие!

Он почтительно пожал Катины пальчики. При этом он поклонился, и кисточки его ушей слегка мазнули Катю по носу. Так же учтиво поздоровался он и с Лошадкой. А Лошадка, будто только и делала что ходила по гостям, не растерялась. Она согнула передние ножки и поклонилась, как цирковая лошадь.

– Добрый день, господин Хвостатов! Как поживаете? Хорошая погода, не правда ли?

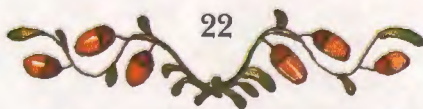
Профессор удивлённо улыбался, и Кате очень нравилось, что его рыжий, местами полинявший хвост изящно повиливает от избытка доброжелательности, а пышный лиловый бант на шее очень идёт к бордовой бархатной куртке.

– Будьте как дома! Проходите, усаживайтесь на диван, пожалуйста! Я, видите ли, занят. Я сочиняю музыку... я сейчас... – И он сел за фортепьяно. – Это будет... – Он немного помедлил, подыскивая слова. – Это будет песенка без слов из детского сна для одной солнечной струны и птичьего голоса. Можно в полной тишине, можно с оркестром кузнечиков. – И он засмеялся, показав свои острые редкие зубки.

И Катя вспомнила: ну конечно, именно эту мелодию выводил там, над полем, жаворонок.

Прибежала Белка. Захлопотала, захлопотала... Запахло самоваром, крепким чаем, пончиками и мёдом. И пока хозяйка носилась вокруг стола, Катя с Лошадкой сидели на плюшевом диване, тесно прижавшись друг к дружке, и рассматривали картинки в необыкновенных сказочных книжках, которые одну за другой снимал с полки хозяин и раскладывал перед ними на диване. Катя не дыша рассматривала прекрасных фей, принцев и ведьм. Стоило только подуть на папиросную бумагу, накрывавшую картинку, как они оживали.

Они были такие настоящие, что Катя слышала шелест шёлковых и парчовых одежд, вдыхала ароматы чудесных садов, различала голоса людей, птиц и зверей. Таких книг она ещё никогда не видела, хотя ей покупали отличные книжки в ярких лаковых переплётках.

– Это волшебные книги. Они ещё не написаны, – доверительным шёпотом сообщил профессор Хвостатов. – Они ещё только зреют в умах писателей и художников. Это те книги, которые снятся им во сне. Правда, наутро они почти ничего не могут вспомнить.

– Почему? – огорчилась Катя.

– Потому, что в жизни волшебство трудно удержать, – грустно покачал головой профессор. – Всё ускользает, и мало кому это удаётся.

– Смотри, смотри! – зашептала вдруг Огуречная Лошадка. – Эта книга про меня!

Она вытащила из груды книг самую большую и толстую. На обложке была нарисована Огуречная Лошадка.

– «Удивительные приключения и весёлые похождения Огуречной Лошадки», – прочитала Катя.

Она с любопытством листала книгу, сдувая папиросную бумагу с оживающих картинок. Удивительное дело: на картинках она узнавала себя. Вот она верхом на Огуречной Лошадке летит над облаками. Вот они вместе сидят в высоких ромашках на лесной опушке. А вот они уже у Белок в их дупле пьют чай и весело смеются.

Лошадка рассматривала картинки через Катину плечо, и Катя чувствовала на щеке её лёгкое дыхание. Будто пахло свежими огурчиками.

– Листай дальше, – нетерпеливо шептала Лошадка. – Что там случится с нами дальше?

Но дальше шли чистые листы.

– Нет-нет, друзья, новые страницы в этой книге появляются не раньше, чем с её героями происходит что-нибудь новенькое. Последняя страница в нашей книге будет о нашей с вами встрече.

Хвостатов осторожно закрыл книгу и поставил её на верхнюю полку.

Блестящий пузатый самовар занял почётное место посреди стола. Его окружили тарелочки с орехами, печеньем и вазочки с вареньем: и клубничным, и смородиновым, и крыжовенным, и из бананов, и из лепестков роз, и из душистого горошка.

Катя тут же принялась всё пробовать, а профессор Хвостатов и Огуречная Лошадка уселись рядом и угощались рябиновой настойкой из маленькой чёрной бутылочки.

На огонёк прилетел Дятел. Он повесил на гвоздь свой красный картузик, одёрнул чёрную жилетку и протянул хозяйке букет ромашек. Потом подсел поближе к самовару и стал громко колотить сахар клювом.

– Помню, как мы учились в лесной школе, – поглядывал Дятел на профессора. – По художественному свисту у меня всегда были двойки.

– Зато на уроке труда ты лучше всех делал дырки в табуретках!

После чая Дятел выстукивал на краешке стола марш собственного сочинения, а профессор подыгрывал ему на фортепьяно. Кате очень понравился марш.

Стук-стук-стук! Бах-бах-бах! Тук-тук-тук! Блямс! Блямс! – отбивала Белочка ложкой по самовару.

Вдруг в потолок нервно забарабанили. Белки разом замерли, улыбки на их лицах погасли. Дятел тоже замер, вытянув нос.

– Соседи, – виновато сказал профессор. – Две вороны. Им рано вставать на работу.

Дятел откланялся и молча нырнул из дупла в сумерки. Тут только Катя увидела, что наступает ночь, и месяц встаёт из-за леса, и коростель скрипит во ржи.

– Скорее домой!

* * *

Утром Катя быстро съела яичко, выпила какао и, чмокнув бабушку в щёчку, побежала гулять.

– Как позову, чтоб сразу же домой, – строго наказала бабушка. – Чтоб я тебя по всем дворам не искала!

– Ладно! – крикнула Катя, запирая калитку.

Она сорвала травинку, и петушиный крик взлетел над посёлком. Из пыльных лопухов в канаве поднялась голова Огуречной Лошадки.

– С добрым утром! – зевнула она.

Катя засмеялась, глядя, как она старательно катается по росистой траве. Когда бока Огуречной Лошадки стали чистыми и блестящими, а хвостик весело вздёрнулся вверх, Катя уселась на неё верхом.

– Поскачем! Полетим! Понесёмся! – крикнула Катя.

– Давай лучше сегодня никуда не поскачем, а полежим в тенёчке, – попросила Огуречная Лошадка.

– А как же чудеса? Сама же обещала, что всё время будут чудеса, а теперь в тенёчек?

– Совсем не обязательно летать, чтобы были чудеса, – зевая, ответила Лошадка. – Можно просто растянуться в траве и смотреть в небо. Меня всю ночь кусали комары... я не выпалась.

Они улеглись рядышком на травке, и Катя стала прилежно смотреть на облака. Лошадка, положив голову Кате на колени, уснула.

Сначала всё было обыкновенно: облака как облака. Потом они превратились в бело-розовых овец. Их гнал совсем седой старик верхом на ослике. Потом пришёл караван белых верблюдов. На их горбах сидели погонщики в чалмах и лёгких покрывалах. Они лизали эскимо на палочках.

Вслед за ними, тяжело раздувая серые бока, спешил огромный слон. Он торопился, лёгкая попона развевалась на ветру. Он свивал в кольцо и снова разворачивал тёмный хобот. И сразу побежало, сгрудилось овечье стадо. Старик на ослике затерялся среди овец. Столпились и закружились на месте верблюды. Отнимая у ветра свои лёгкие одежды, склонились к их шеям погонщики. И слон, раздуваясь на глазах, закрыл всех своим огромным сизым брюхом. Вскинув хобот, он затрубил, затопал – рёв и гул докатились до земли.

Верблюды побежали. Из тюков на их спинах посыпались, сверкая, жемчужины. Они сыпались на поляну, барабанили по лопухам, по стволам деревьев, прыгали по дорожке и, едва коснувшись земли, превращались в градины и дождевые капли. Но дождь, едва начавшись, прошёл стороной.

Катя, обняв Лошадку, сидела под деревом и не верила своим глазам: ведь только что всё было волшебной восточной сказкой и вдруг превратилось в грозу. Она хотела спросить у Лошадки, как это всё получилось, но та спала, уткнувшись носом в Катины колени. Катя сидела не шевелясь, чтобы не разбудить её, и осторожно оглядывалась. Лошадка сказала, что чудеса – везде, просто надо уметь видеть.

И тут она увидела, как на травинку сели две стрекозы: большая и маленькая – мать и дочка, а может быть, бабушка и внучка.

– Носить очки совсем не стыдно! – говорила большая Стрекоза, протирая кончиком крылышка толстые стёкла своих очков. – Я, например, в очках родилась и ничуть не жалею! А ты всё упрямишься. Ну хорошо, не хочешь с голубыми стёклами, давай закажем с жёлтыми! – И они, затрещав крылышками, полетели заказывать очки.

А мимо Катиной ноги промчалась команда жуков-пожарников. Машины, жужжа, одна за другой ныряли под корень, мостиком изогнувшийся над дорогой, и, выскочив из тоннеля, мчались дальше. Катя не успела опомниться и сообразить, куда они мчатся и где пожар, как совсем рядом увидела Муравья. Он был в матросской тельняшке и в кепке козырьком назад. Изо всех сил упираясь в бок крупной земляничины, Муравей катил её куда-то.

– И – раз! И – два! И – три! – командовал он сам себе.

Сочная ягода тяжело поворачивалась и переваливалась, оставляя за собой красный сиропный след. Тельняшка его была в пятнах земляничного сока. Упёршись в Катину коленку, Муравей остановился. Он присвистнул и повернул кепку козырьком вперёд.

– Ух ты, через какую гору лезть надо! Ладно, сперва искупаюсь! – И он направился к листу подорожника, в котором, как в чайной ложечке, дрожала дождевая вода. – Ух ты! – Он нырнул и, выскочив на середине листа, поплыл.

Катя сидела не дыша. Лошадка сладко спала, и будить её было жаль. Вот бы они посмеялись вместе! Муравей искупался. Тельняшка на нём сама собой выстиралась. Он снова подбежал к земляничине. Катя осторожно отодвинула ногу, и Муравей увидел, что гора, которую он собирался штурмовать, исчезла.

– Чудеса! – обрадовался он и опять навалился на ягоду.

Катя следила за ним не дыша, чтобы не спугнуть.

Едва Муравей скрылся, как на поляну высыпала ватага мухоморов, и маслята, оттеснённые к ёлкам, подняли шум.

– Это наше место! – пищали окружённые маслята. – Мы с утра здесь стоим!

– А ну, мелкота, рассыпья! – напирали мухоморы.

Их красные шляпы были лихо сдвинуты набекрень. Из-под ёлки выглянули три сыроежки в фиолетовых юбках.

– А юбки-то все – плиссе-гофре! – ахнула Катя.

– А вот и мы! – Покружившись, они остановились посреди поляны.

Мухоморы расступились и замерли:

– Вот так красотишки!

– Подумаешь! Балетницы! Воображалы! Сплетницы! – крикнул самый маленький мухоморчик.

Но старый мухомор отвесил ему такой подзатыльник, что у того шляпа съехала на нос.

Катя не выдержала и засмеялась. А грибы как были, так и замерли посреди поляны: три сыроежки, окружённые мухоморами, и маслята, оттеснённые к самым корням дремучих елей. Только что они бегали, ссорились и шумели, и вдруг наступила тишина. И в тишине одиноко постукивал дятел.

Смех разбудил Лошадку. Она вяло села и, тяжело мотая головой, сказала:

– Это кошмар какой-то! Никак не могу выспаться!

– Я же не нарочно... Я нечаянно... – оправдывалась Катя. – И вообще мне надоело тихо сидеть. Тебе хочется – ну и спи, а я пойду гулять одна. Выспишься – прибежишь!

И, стряхнув соринки с подола, она перепрыгнула через Лошадку и скрылась в кустах.

* * *

Повар варил обед. Облако муки окутывало его. На раскалённой сковородке подпрыгивали шкварки, а на кастрюльках подпрыгивали крышки. Пробуя бульон из дымящейся поварёшки, Повар нечаянно взглянул в окно. Там, в его саду, спокойно паслась Огуречная Лошадка.

Не отрывая глаз от Лошадки, Повар бочком-бочком пошёл к двери, в два прыжка сбежал со ступенек и, будто хотел поймать бабочку, стал подкрадываться. Не чуя опасности, Лошадка ходила от цветка к цветку. Цап! И Повар схватил её за огрызок хвоста.

Лошадка рванулась, взбрыкнула ножками, кинулась вправо-влево, но Повар уже крепко прижал её к животу и понёс домой.

– Тихо, тихо! Не бейся так, – нежно поглаживая, уговаривал он её.

Лошадка мотала головой, силясь освободиться. Издалека долетел петушиный зов. Это Катя ждала её в лопухах. Лошадка откликнулась, но Повар проворно зажал пятернёй её морду, и вместо звучного «и-го-го!» послышалось приглушённое мычание.

– Всё кончено, – закрыла глаза Лошадка. – Прощай, Катя.

А Катя возвращалась из гостей. В кармане у неё был крыжовник. Она рассеянно ела ягоду за ягодой, дожидаясь, когда прибежит Огуречная Лошадка.

У Дачника-неудачника ей понравилось. Понравилось сидеть в самолётном кресле и смотреть в бинокль, понравилось есть горстями малину из решета. Катя пообещала в следующий раз привести с собой Лошадку, и хозяин, прощаясь, насыпал ей в подол спелого крыжовника.

– Ничего себе дяденька, добрый, – размышляла Катя. – Всё про здоровье Лошадки спрашивал. Такой заботливый. Зря Лошадка заупрямилась и не пошла к нему.

Дойдя до переулка, в котором жила тётка Полина со своей козой Алексашенькой, Катя остановилась. Тётка Полина стояла у своей калитки. Наверно, она собралась на базар – у ног её стояла большая корзина с огурцами и зеленью. У калитки не было задвижки, и тётка Полина привязывала её тесёмкой. Пока она возилась с калиткой, Алексашенька бесшумно подобралась сбоку и сунула морду в корзину.

Глаза её были мстительно сощурены. Быстро работали узкие челюсти, перетирая огурцы. Когда тётка Полина повернулась к своей корзине, Алексашенька гоняла по донышку последний огурец.

– Батюшки! Караул! – так и взвыла тётка Полина и накинулась на свою мучительницу.

Но та мотнула рогами и, волоча за собой верёвку, медленно затрусила прочь. Катя перестала есть крыжовник и подбежала к тётке Полине.

– Тётенька, не плачьте! – тянула она её за рукав. – Не расстраивайтесь так!

Тётка Полина перестала реветь, утёрлась рукавом и решительно надвинула шляпку на глаза.

– Ну всё! Теперь конец моим мучениям! Сегодня же продам тебя, злыдня! – Она погрозила кулаком уходящей к лесу козе. – Вот подою в последний раз, и всё!

Постепенно злость её прошла. Она посмотрела на Катю внимательно и вдруг радостно улыбнулась:

– Деточка! Это ты?! А где твоя Лошадка?

– Не знаю, – пожалала плечами Катя. – Что-то не идёт.

– Ты её лучше ищи, лучше... Такую хорошую Лошадку. Ты позови её по-своему, ладно?

Катя послушно отдала свой крыжовник и сорвала травинку. Петушинный крик трижды прозвучал в тишине. Тётка Полина замерла, поглядывая на кусты. Огуречная Лошадка не отзывалась.

Она в это время стояла привязанная полотенцем к ручке двери. Повар гладил её, хлопал по спине, по бокам. Заглянул в тёмную глубину уха-листочка, раздвинул челюсти и осмотрел просвечивающееся бледно-зелёное горло, потрогал пальцем чистые зубки-зёрнышки.

– Тэк-тэк-тэк, – задумался он. – Сделаем вот что! – Он с грохотом приволок из сарая детскую ванночку. – Сперва тебя надо искупать в уксусе...

Не успела Лошадка и хвостом махнуть, как уже очутилась в ванночке и на спину ей полилось что-то едкое и кислое. Защищало глаза и стало трудно дышать.

– Потом посолить... – бормотал Повар, щедро натирая её зелёные бока солью, – и поперчить.

Тут же в глаза, в ноздри начала набиваться едкая красная пыль. Лошадка больше не могла терпеть. Она заметалась, забилась, но полотенце крепко держало её за шею. Повар в задумчивости остановился и, почесав затылок, полез в поваренную книгу.

– Тэк-тэк-тэк... – Он нашёл нужное и, водя по строчкам пальцем, начал читать: – Вымочить в уксусе... вымочили. Дать потомиться два часа, затем аккуратно срезать то место, где находится хвостик, и ложкой вытащить все зёрнышки. Вместо них положить жареный лук, по-

мидоры и мясной фарш. Запекать в духовке полчаса, поливая сметаной и белым вином.

Лошадка, закрыв глаза, слушала, что её ожидает. От уксуса с перцем бока горели так, будто она сидела в муравейнике.

– Послушайте, всё это вы зря делаете, – слабым голосом сказала она. – Куда лучше скакать по полю, прямо по ромашкам и колокольчикам. Хотите? А то полетаем с дерева на дерево. Это очень весело! Заглянем в гости к белкам. Я знаю, где они живут, я вас познакомлю.

– Некогда мне! – размешивая в кастрюле подливку, поморщился Повар. – А по деревьям я уже не лазил лет тридцать. Да-а... летит времечко... летит. – Повар вздохнул, грустно покачал головой и снова быстро заработал ложкой. – Эх, заботы-заботы... Только и счастлив был, пока мальчонкой бегал. А потом – всё!

– Соглашайтесь скорее! Я снова вас сделаю счастливым. Мы поскочем, полетим, понесёмся, куда только захотим! Я постараюсь! Не надо в меня запихивать помидоры с луком.

– А я сам стану счастливым. Завтра же! Я такое блюдо из тебя приготовлю – пальчики оближешь!

Лошадка стояла, закрыв глаза и привалившись боком к холодной стенке цинковой ванночки. По её огуречным щекам текли слёзы.

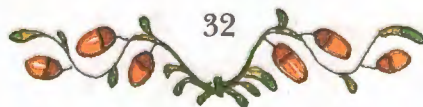
– Катя, Катя, где же ты? Почему не идёшь спасать меня?

– Та-а-ак! – потирал руки Повар. – Вот... уже начала давать сок!

Он поставил будильник на звонок, отсчитал два часа и пошёл на станцию пить пиво.

– Козя, козя, козя! – Тётка Полина лазила по бурьяну за огородами, то и дело оступаясь и садясь на кочки. Подол её платья облепили колючки. Шляпка съехала на ухо. – Ну, погоди! Поймаю – всё тогда... Продам. Один конец! – ругалась она, выдирая репей из рукава.

Алексашенька и не думала уходить далеко. Она стояла в двух шагах за кустами и тихонько хихикала. Тугое вымя тяжело тянуло вниз. Алексашенька жалобно мекнула. Тётка Полина вскочила и бросилась на шею своей любимице.

– У-у-у, вредная, у-у-у, мучительница! Идём домой, подою. И чего не живётся тебе, как всем козам? И чего привередничаешь?

– Скучно мне-е-е! – ныла Алексашенька. – На верёвке держишь! Весь день по кругу бегаю – измоталась!

Привязав козу к забору, тётка Полина сбегала за подойником. Не забыла, прихватила булочку с изюмом. Коза смиренно начала жевать.

– Ну ладно, ладно, не серчай. Я тут тебе подружку приглядела...

– Какую ещё подружку? Коз я, что ли, не видела? Только и разговоров у них что о козлятах да молоке.

– Да не коза это... Не видела, а говоришь, – отозвалась тётка Полина. – Чудная такая, на козу немного похожа, а больше на огурец.

– Живая? – выронив булочку от удивления, спросила Алексашенька.

– Бегаёт, ушами шевелит... Стало быть, живая.

Тётка Полина дожимала последнее молоко, когда к забору подле тела Катя. Она плакала.

– Пойдёмте со мной, тётъ Полин! Там моя Лошадка погибает совсем...

– Где? – Тётка Полина вскочила и, схватив ведро, побежала за Катей. – Ой, погоди! Ой не беги так, молоко моё расплескается!

– Скорее, тётенька, там она, во дворе, а я собаку боюсь.

Тётка Полина поставила ведро у калитки и, пошарив рукой, отодвинула задвижку. Шарик бросился было к ним с лаем, но, узнав молочницу, завил хвостом.

Катя вбежала на терраску. Огуречная Лошадка лежала в ванночке, закрыв глаза. Катя с трудом развязала узел полотенца, схватила Лошадку и потащила её на улицу.

– Попить, – услышала Катя свистящий шёпот.

Она сунулась туда-сюда, но ничего, кроме ведра с молоком, не нашла. Не успела тётка Полина и ахнуть, как всё молоко Катя вылила на спину Лошадке. Тётка Полина оторопела, потом махнула рукой: мол, пропадай всё на свете, и они вдвоём потащили Лошадку к калитке.

Шарик тревожно привстал и даже зарычал на всякий случай, но тут же успокоился.

В это время Повар возвращался домой.

– Тэк-тэк-тэк, – посматривая на часы, мурлыкал он. – Сейчас разогрею духовочку пожарче и распотрошу чудо-огуречик!

Он сшиб головку ромашки прутиком и протарахтел им по забору до самого конца. Здесь он свернул на узкую тропинку, которая вела к его калитке.

Тётка Полина и Катя уже вынесли Лошадку за изгородь к колодцу, поили и поливали её водой. Лошадка понемногу оживала.

Повар ахнул и, мгновенно скинув пиджак и кепку, бросился на злодеев.

– Беги, Лошадка! – крикнула Катя и, раскинув руки, побежала навстречу Повару.

Тётка Полина быстро сделала из пояса ошейник и, всунув голову Огуречной Лошадки в петлю, повела её к себе на огород. Катя краешком глаза увидела, что они скрылись за поворотом, и в этот миг столкнулась с Поваром.

Удар был сильный. Катя, как пёрышко, перелетела через канаву и шлёпнулась на кучу сена. Потирая локоть, она хотела заплакать, но Повару было ещё хуже: разлетевшись со всех ног, не в силах остановиться, он пробил головой дырку в собственном заборе и застрял в щели. Шарик, радостно виляя хвостом и повизгивая, лизал лысину хозяина.

Катя вскочила и помчалась догонять Лошадку.

Кругом было тихо-тихо. Даже слышно было, как шелестит золотистая шелуха на стволе сосны. Катя подняла голову. Там, на сухом сучке, сидел Дятел. Он смотрел на Катю и смеялся. Потом снял красный картузик и поклонился. Катя помахала ему рукой. Дятел кивнул и, прицелившись, так дал носом по стволу, что вздрогнуло всё дерево: др-р-р-р! А посёлок дремал в полуденной тишине. На улице никого не было.

В сарайчике, где жила коза Алексашенька, было сумрачно. Сквозь щели розовел закат. Коза лежала на подстилке и жевала. Для Огуречной Лошадки тётка Полина поставила ведро и бросила в угол охапку сена.

Алексашенька молчала. Изредка она вздыхала и снова принималась жевать. Огуречная Лошадка вежливо поздоровалась, едва переступила порог. Алексашенька только дёрнула хвостиком и, повернувшись к ней задом, улеглась на своё место.

– Простите, что я стесняю вас, – начала извиняться Огуречная Лошадка. – Я, возможно, завтра уйду...

Коза зашевелилась и покосилась на неё высокомерно:

– Куда уйдёшь-то? Полина замок повесила. Сиди теперь. Зовут-то тебя как?

– Катя зовёт меня Огуречная Лошадка.

– Имя чудное, не наше, – задумчиво пожёывая, заметила Алексашенька. – Так кто же ты? Живой огурец, что ли?

– А я не знаю. Я помню, что открыла глаза на огуречной грядке, среди маленьких огурчиков и больших жёлтых цветов. Помню, что когда я встала на ноги, хвостик мой хрупнул и отделился от толстой зелёной плети, на которой висело ещё два крупных огурца.

– Значит, ты огурец и тебя можно съесть? – В глазах Алексашеньки загорелись жёлтые огоньки.

Огуречная Лошадка отодвинулась в дальний угол.

– Я не очень в этом уверена, – сказала она рассеянно. – Давайте лучше побеседуем.

Алексашенька перестала жевать и с удивлением вытянула морду.

– А вымя у тебя есть?

– Нет, кажется, этого у меня нет.

– Так, значит, молока ты не даёшь?

– Нет, этого я не умею.

– Ну а козлёночек или кто там у вас бывает... детки у тебя есть?

– Нет, и деток пока нет...

– Так... тогда какая же от тебя польза?

– Кто со мной подружится, тот будет счастлив... вот и всё!

– Моя старуха мечтает клад найти. Говорит, вот счастье бы привалило. Может, ты знаешь, где искать?

– Нет, – покачала головой Лошадка. – Правда, я знаю одну бриллиантовую поляну. На ней живёт мой знакомый паучок с бархатной спинкой. Он сторожит сокровища всего леса. Но их нельзя

трогать руками. На них можно только любоваться рано утром и после дождя.

– Ну-у-у... а я-то думала... – захихикала коза. – И это всё?

– Нет. У меня много друзей, таких, как этот паучок. Ещё у меня есть знакомые человечки-мухоморчики. У них красные в горошек шляпки. Нужно видеть, как они весело пляшут на поляне или просто сидят и греются на солнышке. Стоит только постоять среди них и послушать, о чём они болтают, обязательно расхохочешься. А если у тебя какие-нибудь неприятности, то сразу же о них забудешь, и тебе станет весело и беспечно.

– А мы когда с моей бабкой гуляем, то сшибаем их ногами. Раз их есть нельзя, то нечего им и расти. – Коза помолчала, наморщив свой узкий лобик. – Кто ты всё-таки? Есть тебя нельзя. Шерсти на тебе нет, мяса тоже. Молоко давать ты не умеешь. Выходит, что ты совсем бесполезная.

– Это несправедливо, – обиделась Лошадка. – Приносить радость – это значит приносить пользу. Я ещё забыла сказать, что умею летать, если разгонюсь хорошенько, и при этом у меня будет хорошее настроение. А уж если удастся взлететь, то я прямиком попадаю в сказочную историю. Да... счастлив тот, с кем я подружусь. – Она замолчала, с достоинством опустив глазки, не желая продолжать этот нудный разговор.

Наступила тишина, которую нарушал стрекот кузнечиков.

– Ох-ох-ох, – вздохнула коза. – Я что-то пока не испытываю особенного счастья. – И, повозившись, она задремала.

Устало положив голову на передние ножки, Огуречная Лошадка молчала. Весь этот день, страшный день, проплыл перед её глазами. Когда тётка Полина увела её из ужасного дома Повара, она совсем было поверила в своё освобождение. Как вдруг на её шее вместо пояска появилась шершавая верёвка, и тётка Полина, ласково приговаривая, втолкнула её в сарай к своей козе.

– Ну вот, живи теперь у меня, располагайся.

Незаметно наступила ночь. Сквозь щели дуло, и в самый широкий просвет виднелась большая мокрая звезда. Задрёмывая в своём углу, Огуречная Лошадка слышала, как по траве прошуршали чьи-то

ноги: ближе, ближе... Потом в щёлку просунулся палец и потрогал её спину.

– Тут сидит, – пробурчала сонным голосом тётка Полина. – Вот ведь скотина какая: ни шерсти, ни мяса – визг один. Свезу-ка я её утречком на базар. Продам назло соседям. Хи-хи-хи! – Она шумно зевнула. Шаги её стихли в глубине сада.

– Лошадка, ты здесь? – тут же за стеной раздался звонкий Катин голос.

Лошадка так обрадовалась, что вскочила и прижалась мордочкой к щёлке, где блестел знакомый тёмный глаз и слышалось частое дыхание.

– Послушай, Лошадка, – зашептала Катя, – ты не спи, мы тебя сейчас спасём! Со мной наши друзья: Дятел, белки и кроты.

Если бы Лошадка могла хорошенько рассмотреть, что творилось за стеной! Профессор Хвостатов, сдвинув шляпу на макушку и поблёскивая золотым пенсне, светил перед собой большим старинным фонарём. Его жена Белочка, закутавшись в шаль, жгла спичку за спичкой, осматривая стенку сарая, за которой сидела Огуречная Лошадка. Она нервничала и то и дело посматривала на часики.

– Сейчас, сейчас должны все прийти!

Дятел сидел на ветке и зорко поглядывал, чтобы не появился кто-нибудь посторонний. И действительно, как только совсем стемнело, на тропинке затопало, зашуршало – и показались кроты. Они шли молча, позёвывая, поёживаясь, с лопатами, привычно закинутыми на плечо.

– Где копать? – сонным голосом спросил старший, подслеповато щурясь на фонарь, качающийся в поднятой лапке профессора.

– Думаю, надо начинать отсюда, – сказал Хвостатов, посветив фонарём себе под ноги. – С научной точки зрения.

Кроты поплевали на лапы, и первые комья земли зашуршали под лопатами. Алексашенька проснулась и взмекнула. Она подняла голову и прислушалась. За стенкой шла упорная работа. Коза оцепенело смотрела, как расширяется щель под узкой дощатой стенкой и туда осыпается земля. Потом она сипло заблеяла и вскочила на ноги.

– Это волк! Во-о-о-olk!

Огуречная Лошадка пыталась её успокоить, но Алексашенька бесновалась всё больше.

– Тебе-то что! Тебя не тронут! Кому ты нужна, огуречная! А вот меня-то и съедят как раз!

Тётка Полина никак не могла нашарить спросонок туфли. Наконец она зажгла свет, и, накинув на плечи пальтишко, побежала в сарай, где истошно вопила её Алексашенька.

– Батюшки, батюшки! – приговаривала тётка Полина, продираясь напрямик через высокую крапиву с тяпкой наперевес.

Огуречная Лошадка как раз в это время вылезала из ямы, выкопанной под стенкой сарая.

Профессор Хвостатов сказал каждому кроту «спасибо, спасибо» и пожал дружески лапу, а Белочка выдала каждому по блестящей монете. Довольные кроты исчезли в темноте.

– Теперь бегом! – скомандовал Дятел. – Тётка Полина близко!

Катя схватила Огуречную Лошадку за обрывок верёвки, и, пригнувшись, они нырнули в кусты. Возле сарая воцарилась полная тишина.

Тётка Полина, размахивая тяпкой, выскочила из зарослей крапивы и... и тут же угодила в яму, вырытую кротами. Алексашенька, просунув рогатую башку в зияющую дыру, молча смотрела на хозяйку. Над посёлком медленно всходила большая луна. Как ни в чём не бывало стрекотали кузнечики.

А у Дачника-неудачника в гараже горел свет. Там шла ночная работа.

– Трум-трум-тру-ля-ля! – сосредоточенно вычисляя что-то на калькуляторе, пел Дачник-неудачник. Лётный шлем был лихо сдвинут на затылок. – Восемь пишем, пять – в уме; восемь пишем, пять – в уме, а потом прибавим здесь и разделим пополам. Трум-трум-трум! – Довольный своими расчётами, он бросил на чертёж карандаш и с хрустом потянулся. – Хорошенький получается флюгерочек! Пожалуй, никто до меня не изобретал такого!

Он присел несколько раз, выбрасывая вперёд руки, и, выйдя из гаража, встал на пороге. Его тень выросла над садом, сломалась на ку-

стах и вытянулась на дорожке до самой калитки, в щёлочку которой, притаившись, смотрела Катя.

– Не бойся, этот дяденька хороший, – обнимая за шею Огуречную Лошадку, уговаривала она. – Он меня на лётном кресле катал и в бинокль давал посмотреть.

– Пойдём лучше к тебе, а? – попросила Огуречная Лошадка.

– Что ты! – испугалась Катя. – Мама думает, что я уже давно сплю. Она сама меня укладывала... И вдруг мы явимся: здравствуйте – пожалуйста! Знаешь, как мне тогда влетит! И потом, я ей вообще о тебе ничего не говорила. Вдруг она рассердится и не разрешит мне тебя? Она уже сколько раз вышвыривала моих котят и щенков.

Лошадка горестно молчала. Всё верно. Она сама советовала девочке никому не рассказывать о себе. Ведь известно, что как только взрослые узнают про какую-нибудь тайну, так почему-то она сразу исчезает и становится скучно, неинтересно, обыкновенно.

Они сидели обнявшись и больше ни о чём не говорили. Каждый думал о своём.

– А хорошо иметь свой дом! – сказала Огуречная Лошадка. – Такой, как у белок, да? У меня почему-то никогда не было своего дома. Я родилась на грядке, в ботве, и теперь живу где придётся. Сплю в траве, во мху, в лопухах...

– А почему же ты не сделала себе домик? – задумчиво спросила Катя.

– Потому что мне некогда было. Мы же с тобой то и дело бегали в гости к белкам, летали над полями, скакали по лесу. Не успеешь оглянуться – день уже кончился, и тебе домой пора.

Катя задумалась и осторожно спросила:

– А когда мне было пора домой, ты куда шла?

– Никуда. Я ждала, когда наступит утро, чтобы ты меня опять позвала.

– Значит, ты ночью мёрзла в траве, а я спала себе в тёплой постели под одеялом? – ахнула Катя.

Хорошо, что была ночь, а то бы Огуречная Лошадка увидела, как Катя покраснела.

– Ты мёрзла и скучала, а я о тебе и не думала.

– Нет, что ты! Ночи такие тёплые и короткие. Не успеет солнышко сесть, как тут же снова рассветёт.

– Не успокаивай меня. Теперь я знаю, что это я во всём виновата, – заплакала Катя. – И как только ты меня прощаешь? Ну ничего, сейчас мы всё устроим. У тебя будет хороший дом. Ты только стой рядом и не мешай мне.

Лошадка тревожно жалась к Кате и переступала копытцами. Ей очень не хотелось в гости. Но делать было нечего – они уже стояли перед калиткой, утыканной поверху гвоздями. Там, в саду, белел жасмин и дымил самовар у крыльца. Дачник-неудачник подошёл к самой калитке и нюхал цветы, нагибая к лицу сразу несколько стеблей.

– Ухм-ухм-ухм! Блаженство! Кого ещё там принесло на ночь глядя? – удивился он, услышав стук. – Ба-а! Катенька! – сразу повеселел он, узнав свою утреннюю гостью. – Ой, и Лошадка! Добро пожаловать! Я рад! Р-рад!

Он торопливо отпирал замки, любезно улыбаясь при этом.

Вскоре Катя и Лошадка сидели в гараже и пили чай с вишнёвым вареньем. Здесь было очень интересно: в каждом углу прилажены жестянки из-под консервов, куда Катя и Лошадка с удовольствием стреляли косточками, а хозяин бросал окурки и горелые спички. Всё было на своих местах и всё было для чего-нибудь приспособлено. Даже в старом умывальнике рос кактус. Даже сучок, торчащий из доски, был тщательно оструган, и на нём висело полотенце. А книга, раскрытая на нужной странице, была закреплена бельевой прищепкой.

– Почему вы живёте не в доме, а в гараже? – удивилась Катя.

– Это мой кабинет! – с удовлетворением оглядывая стенки, увешанные инструментами, ответил хозяин. – Я здесь изобретаю.

– А где же машина, которая должна здесь стоять? – не унималась Катя.

– А я её разобрал. Ездить-то я всё равно не умею. – Дачник-неудачник на миг смутился. – Зато я сделал из её деталей много удивительных вещей. Вот четыре пепельницы. Узнаёшь? А раньше это были автомобильные фары. Здорово? А вот колёса. Положил их на пеньки и получились табуретки! Правда, замечательно? Ведь никто до этого ещё не

додумался. У меня ничего не пропадает! У каждой железки, у каждой вещи есть своё предназначение и место.

– А если нет места? – осторожно спросила Огуречная Лошадка. – Предназначение есть, а места нет.

– Так не бывает, – перестав хвалиться, убеждённо сказал хозяин.

– Бывает, – горько вздохнула Катя. – Вот у моей Лошадки, например, нет места. Ей даже ночевать негде.

– Ночуй у меня! – обрадовался Дачник-неудачник.

Не успела Катя и глазом моргнуть, как он вскочил и, вынув из шкафа гамак, тут же подвесил его, зацепив за крючья. В гамак полетела пёстрая подушка и меховая подкладка от зимнего пальто.

– Алле-гоп! – сказал он. – Гостю место! Уютнее ничего не бывает.

– А знаете, я вас побаивалась сначала, – призналась Лошадка, – но теперь вижу, что, кажется, ошиблась. Вы хороший, добрый...

– Конечно я хороший... конечно я добрый... – покачиваясь с пятки на носок, подтвердил хозяин и пожелал Лошадке спокойной ночи.

– Вы меня не будете солить? И уксусом не будете поливать? – открыв сонные глазки, тревожно спросила Огуречная Лошадка.

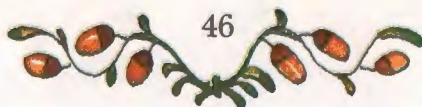
– Нет, конечно, – пообещал Дачник-неудачник и пошёл провожать Катю.

Всю дорогу до калитки он заверял её, что Лошадка может оставаться у него сколько угодно, что ей ничего не грозит и что об их тайне не узнает ни одна душа.

Лошадка проснулась среди ночи от странного ощущения, будто по ней ползает что-то скользкое. Каково же было её изумление, когда она обнаружила, что это хозяин гаража прикладывает к ней прохладную ленту портновского сантиметра. При этом он торопливо делал записи в блокноте и диктовал сам себе:

– Длина от кончика хвоста до кончика уха – восемьдесят сантиметров, от кончика копыльца до кончика уха – шестьдесят сантиметров, окружность талии... Талии у неё нет... Окружность бёдер – бёдер тоже нет. Окружность груди – пятьдесят сантиметров, окружность хвостика – один сантиметр...

– Послушайте, мне холодно и щекотно, – возмутилась Лошадка, – и вы обещали, что не будете ничего такого делать.

– Я же не поливаю тебя уксусом и не солю, – возразил он, садясь на пол и вешая сантиметр на шею. – Я просто хотел узнать, что у тебя внутри. И всё!

Лошадка с трудом выпуталась из гамака, шлёпнулась на пол, но тут же вскочила на ножки и приняла независимый вид.

– Вот бы вас взять да измерить. А потом ещё и проверить, что у вас там внутри...

– Хо-хо-хо! Сколько раз проверяли в поликлинике, и не капельки не страшно, – смеялся Дачник-неудачник.

– А всё-таки зачем вы меня измеряли?

Дачник-неудачник вдруг стал серьёзным и даже сердитым.

– Мне надо узнать, почему ты бегаешь. Почему летаешь? Какой у тебя внутри двигатель, скажи!

Лошадка покачала головой:

– Я не знаю. Никакого двигателя у меня нет. Всё просто: когда кого-нибудь любишь, то становится весело и легко, и если разбежаться посильнее, то взлетишь. Нам с Катей так хорошо! Вот и летаю... иногда.

– Не бывает так! – стукнул кулаком по столу Дачник-неудачник. – А вдруг ты с другой планеты, и никто об этом не догадывается, а я первый, первый догадался!

– Да нет же! Я с грядки – простая Огуречная Лошадка, ничего особенного. Отпустите меня, пожалуйста. Лучше я пойду к Кате.

– Ну на что тебе Катя? А без меня ты пропадёшь. И никто о тебе никогда не узнает. Со мной объездишь весь свет! Все будут о тебе говорить, все будут тобой восхищаться! Толпы народа будут ходить за тобой. Лишь бы дотронуться до твоего хвостика!

– Это неинтересно, – сказала Лошадка. – Я от этого сразу завяну.

– Давай я тебя разберу, хорошенько посмотрю, как ты там устроена, а потом снова соберу и сделаю себе такую же точно Лошадку. А тебя отпущу.

Лошадка поёжилась. Ей вдруг вспомнилась жестяная ванночка в доме Повара.

– У вас так душно! – как можно спокойней и вежливей сказала она. – Мне очень хочется на свежий воздух.

– Свежий воздух? Пожалуйста! – Он распахнул ворота гаража и встал в них, широко расставив ноги. – Только насчёт сбежать – ничего не выйдет. У меня всё продумано: загородка, прожектора, сигнальная система. Дыши, сколько хочешь!

Огуречная Лошадка снова увидела огромную тень человека, стоящего на пороге. Она процокала по утрамбованному полу гаража от стены до ворот и обратно.

– Там, в поле, – размышляла она, – я могла взлетать даже с Катей на спине, но тогда у меня было такое хорошее настроение, такая лёгкость на сердце... А сейчас я вряд ли перескочу забор. – Она постояла ещё немного, потом, отчаянно зажмурясь, повернула к выходу из гаража и, проскочив между длинных ног Дачника-неудачника, помчалась по дорожке сада, набирая скорость. – Поскачем, полетим, понесёмся! Поскачем, полетим, понесёмся!

Ей вспомнился жаворонок, поющий возле самого солнца. Лошадка рванулась вверх. Острые зубья забора остались позади. Не приземляясь, она рванулась ещё и ещё выше. Там её подхватил мягкий ночной ветер, рекою текущий над спящей землёй.

Утром дружные трели будильников грянули разом во всех концах посёлка. И, перекрывая их сухой назойливый треск, над садами взлетел чистый петушиный голос Катиной травинки. Девочка бежала к своей Лошадке.

– Кто это хулиганит с утра пораньше? – высовывались из окон сонные лица.

Пробираясь через влажные от росы лопухи, Катя звала, но Лошадки нигде не было. Катя рвала травинку за травинкой, и переливистый острый звук возникал у речки, за поворотом дороги, возле магазина...

Дачник-неудачник уже сидел на крыше своего дома в лётном шлеме и прилаживал новый флюгер – фигурную ножку от стола. Вместо стрелки была любовно вырезанная из жести и отполированная до блеска рука с указательным пальцем. Увидев Катю, он сел верхом на конёк крыши. Отогнув наушники шлема, чтобы лучше слышать, крикнул:

– Твоя Лошадка сбежала! У меня её нет!

– Отдайте мою Лошадку, – не уходила Катя. – Вы сказали, что у вас ей будет хорошо. Вы обещали, что с ней ничего не случится. А сами...

Катя заплакала.

– А я при чём? Я не виноват, раз она сама от меня убежала.

Дачник-неудачник ещё что-то говорил, но Катя различала только обрывки слов, долетавшие сверху. Потом он снова натянул шлем до бровей, застегнул кнопку у подбородка и сразу оглох.

Катя побежала к дому тётки Полины. Та тянула за рога козу Алешеньку, пытаясь вытащить её из сарая. Обе злились и смотрели друг на друга ненавидящими глазами.

– Ходят тут всякие, – заворчала старуха, увидев Катю. – Житья нет! Вон гляди, какую канаву прорыли ночью, – указала она на яму под стеной сарая. – Хулиганье! Жулики! Чуть мою козу не украли! Хорошо, рогами зацепилась... А твою-то взяли. Ищи теперь – свищи!

Катя побежала дальше. Навстречу ей открывались калитки и двери. Первыми на улице появились торговки зеленью. Они спешили на базар с охалками цветов и корзинами овощей. Вслед за ними стали выходить те, кому надо было на работу. Солнце поднималось всё выше, а Катя бегала от дома к дому, разыскивая свою Лошадку. Люди шли молча, сосредоточенно, не обращая внимания на девочку, у которой пропала лошадь. Всем было некогда. Все почему-то читали газеты.

– Какую лошадку тебе, деточка? На тебе лучше шоколадку.

Некоторые гладили её по головке и тут же пробегали мимо.

– Огуречную? – останавливался кто-нибудь недоумённо. – Нет, такой никогда не видели. – И шёл дальше.

Катя стояла посреди дороги. Её задевали сумками, портфелями, локтями...

Лошадка отозвалась только к вечеру, когда Катя, исходив весь посёлок и ближние поля и перелески, устав плакать и звать, вдруг неожиданно слышала её слабое ржание.

Она лежала на боку в пыльной канаве. Любопытные гуси, гогоча и вытягивая шеи, топтались возле, пытаясь ущипнуть за хвостик.

Девочка отважно бросилась на гусака, размахивая палкой, и белая стая с шумом разлетелась.

Катя помогла Лошадке встать на ножки, обняла, потихоньку они спустились к ручью под горкой.

Катя поила её из горстей водой и только сейчас заметила, как изменилась Лошадка. Бока уже не звенели от ласковых шлепков. Они пожелтели и сморщились. Огрызок хвоста, ещё недавно так задорно торчавший вверх, совсем высох. И ножки, такие резвые, такие весёлые, теперь подгибались, и, чтобы не упасть, Лошадка всё время ложилась.

– Это всё Повар! С его уксусом... – плакала Катя.

Они сидели в траве у ручья. По воде плыли жёлтые листики.

– Скорее всего это потому, что осень скоро, – провожая их глазами, сказала Лошадка. – Сегодня мы с тобой расстанемся.

– Я не хочу! Не уходи! Я теперь всегда буду о тебе заботиться! – замотала головой Катя.

– Ты смешная девочка. Ведь солнцу ты не говоришь: «Не уходи». – Лошадка положила голову на вытянутые ножки и закрыла глаза, потом продолжала. Голос её тоже стал сухим, будто она говорила шёпотом. – Надо спокойно встречать ночь и ждать утра. Надо спокойно встречать холода и ждать лета. Надо весело проститься со мной и...

– ...И ждать тебя снова! – закончила, улыбаясь сквозь слёзы, Катя.

– Да. Правда, это не совсем так. – Лошадка встала на ножки, и Катя услышала, что внутри у неё, как в погремушке, что-то зашуршало, загремело, пересыпаясь.

– Что там? – настороженно притихла Катя.

– Там зёрнышки. – Лошадка помолчала, прислушиваясь к себе. – Сейчас я в последний раз, но уже без тебя, буду скакать, а ты собирай их. – Она вздохнула и близко-близко посмотрела девочке в глаза. – Дождись весны и посади их на грядку. И тогда у тебя будет целый табун Огуречных Лошадок.

– Мне не надо табун. Мне нужна только ты одна!

– Ты выберешь из них лучшую! – крикнула на прощание Огуречная Лошадка. – И это буду снова я... и уже не я.

Она пригнула голову и помчалась по дороге, всё набирая скорость и уменьшаясь, пока не превратилась в золотую точку над горизонтом.

– Поскачем! Полетим! Понесёмся!

– Поскачем! Полетим! Понесёмся!

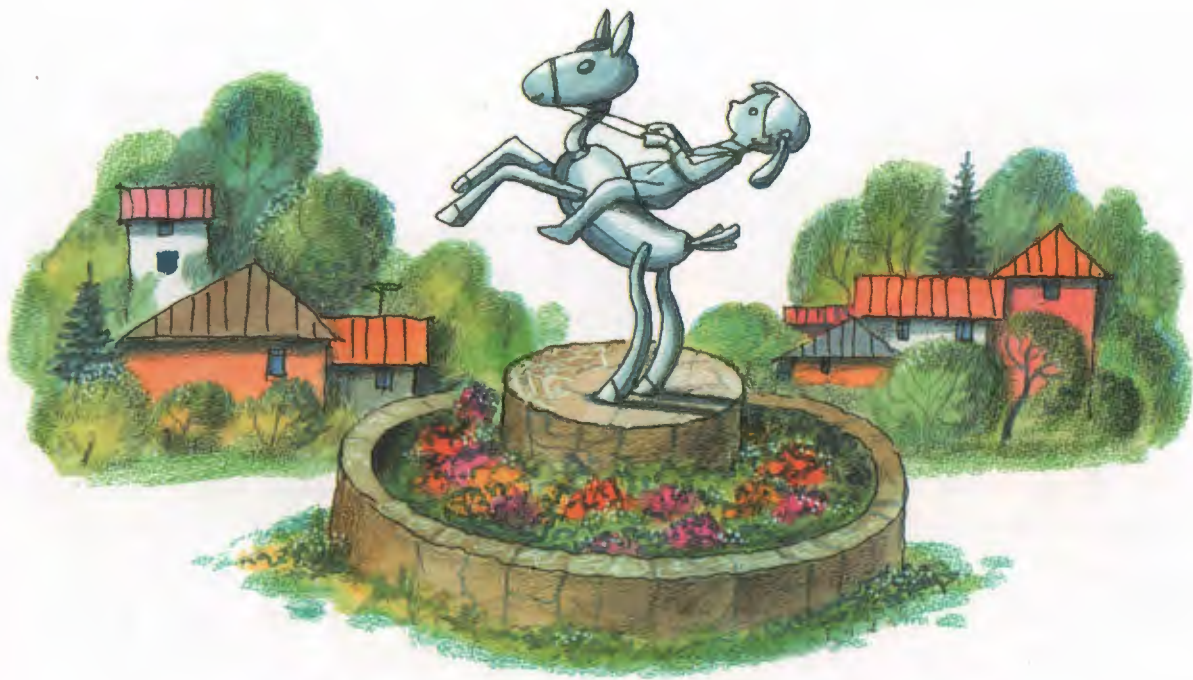

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тётка Полина шла по тёмной улице. Моросил дождь. Осенний ветер трепал её юбку, а этой негодяйки Алексашеньки и след простыл. Споткнувшись о корень, тётка Полина едва удержалась на ногах. Она уцепилась за мокрый ствол дерева, шляпка съехала ей на глаза, и она остановилась, чтобы отдышаться.

– И где эту оторву носит! – ругалась она. – Ночь на дворе, а она опять где-то рыщет. Какие это дела у неё на стороне? Гимнастику стала делать по утрам. Перед зеркалом вертится. Уж не завела ль себе какого-нибудь козлика рогатого?

Так, невесело рассуждая, брела она от дома к дому. Посёлок спал. Один-единственный фонарь качался на ветру, и тени голых веток шевелились на земле. Тётка Полина остановилась напротив дачи соседа и прислушалась. Из гаража доносилось пение.

– Трум, трум, тру-ля-ля! – пел Дачник-неудачник.

В ночной тишине хорошо было слышно его довольное мурлыканье. «Изобретает что-то! – догадалась тётка Полина. – Интересно, что?»

Маленькое окошко было под самой крышей. На забор ей влезть не удалось. Тётка Полина попрыгала, покрутилась и, задрав юбку, быстро вскарабкалась на развесистую липу. Толстый сук как раз нависал над крышей гаража, и тётка Полина, растянувшись на нём, приникла щекой к мокрому стеклу. Дождь усилился. Со шляпки капало на нос, но тётка Полина, забыв обо всём, вела наблюдение. И вот что она увидела.

Дачник-неудачник делал из железок какую-то... машину не машину, а непонятное что-то: к жестяному бочонку на четырёх кривых ножках он прилаживал самоварную трубу, загнутую наподобие морды. На «морде» мигали глазки-лампочки. Труба качалась, не хотела прилаживаться. Изобретатель кряхтел, сопел, но всё же винтики вошли в нужные дырочки. И тётка Полина вдруг увидела в этой железяке что-то похожее на свою козу, только без рогов и хвоста.

– Вот ты где! – услышала она ехидное блеяние Алексашеньки. – Ночь-полночь, я все копыта сбила, тебя разыскивая, а ты по деревьям лазишь да в чужие окна бе-е-льма пялишь!

Тётка Полина от неожиданности соскользнула с мокрого дерева и полетела во тьму.

В толстом махровом халате и тёплых шерстяных носках Повар уютно покачивался в кресле-качалке. Дождь за окном, а у него тепло. На плите шкворчит сковорода, закипает чайник, а на коленях урчит кот. Но самое приятное было не это, а вот что: Повар читал свой любимый журнальчик «Чудеса и приключения». Интересно-о-о! И чего только не бывает на свете! И обо всём пишут, пишут, пишут! А на последней странице призывают писать всех, кто был свидетелем какого-нибудь чуда.

– И напишу! И ещё как напишу! – заволновался Повар. – Огурец-то этот ходячий – чудо? Ещё какое! Может, и меня напечатают.

Повар согнал на пол кота, выпил большую кружку крепкого чаю и достал с полки толстую чистую тетрадь.

Только в марте, когда почернели и осели сугробы, Дачник-неудачник выкатил из гаража свой мотоцикл и, веером разбрызгивая весеннюю

грязь, умчался в город. Вслед за ним и Повар с большим кожаным портфелем поехал в редакцию журнала «Чудеса и приключения». А вернулись с целой толпой журналистов, учёных, студентов, астрологов и прочих деловых людей. И вскоре телевизоры во всех странах заговорили об одном и том же чуде – об Огуречной Лошадке.

Наступила весна. Катя приехала на дачу и бегом, раньше всех, во-
рвалась в дом.

«Зёрнышки! Как же я забыла! Там, в кармашке красного платья-
ца... Посади! Ведь Лошадка сказала ясно: «Посади, и у тебя будет це-
лый табун Огуречных Лошадок».

Открыв дверцу скрипучего гардероба, она сразу же увидела своё
платье, красное в горошек. Катя сунула руку в карман и нащупала
крепко завязанный узелком носовой платок.

«Вот они! Целы! Надо сейчас же их посадить», – решила Катя и по-
бежала в сад.

Она нашла возле сарая лопату и уже собралась устроить грядочку,
как вдруг у её ног зашевелилась трава и чёрный гладенький Крот от-
крыл дверку своей норки.

– И как это я не заметила её раньше? – ахнула Катя. – Вот же, у са-
мой ноги, не кочка, а зелёная крыша, и не сучочек, а труба торчит,
такая маленькая, и фонарик у входа.

Крот деловито вытащил на свет лопату, маленькую тачку и подсле-
повато прищурился на девочку: опасно или нет? Может, сбежать?

– Не бойся, – шепнула Катя, – я...

Она не успела сказать, что любит кротов и рада его видеть, как
вдруг Крот моментально дал задний ход: фьють – и нет его вместе
с тачкой.

– Он тебя не знает, вот и испугался! – сказал кто-то очень тонень-
ким, скрипучим голоском.

Это был Муравей.

В полосатой тельняшечке, в кепочке набочок, он сидел на еловой
шишке и болтал ножками.

– Привет! Узнаёшь старых друзей?

– Конечно! Здравствуй, Муравей.

Катя не верила своим глазам: всё снова, как раньше. Продолжается!

Муравей свистнул, и из травы вылезли муравьишки, очень похожие на папу, – девочки и мальчики. Мальчики в трусиках, девочки в юбочках и с куколками в лапках.

– Вот знакомься – моя семья. – И приобнял жену Муравьику. – Уходим мы отсюда, – доверительно сказал он. – Житья не стало: дым, чад... Кроты уже перебрались поближе к лесу. Вон последние уходят. – И Муравей кивнул вслед Кроту, который снова вытащил свою тачку из норы и торопливо покатил её, виляя между камешками на дороге. – И нам пора! Увидимся! – крикнул Муравей и исчез в траве.

«Странно это всё, странно», – как во сне, подумала Катя.

– Катя! – крикнула из дома бабушка. – Помоги мне сумки разобрать! Куда ты подевалась?

Катя сунула платок с семечками в карман и улизнула на улицу.

Оглядываясь по сторонам, она шла и не узнавала родной посёлок. Всё суетилось. Спешно мели и подчищали дорожки в садах, перекрашивали заборы, меняли названия улиц и переулков. Катя помнила, что улица, по которой она шла, прошлой весной называлась «Ул.Пер.див.», то есть «Улица Перекопской дивизии». Теперь же на табличке значилось: «Ул.Ог.Лош.», то есть «Улица Огуречной Лошадки». И на маленькой площадке перед входом в парк раньше посреди клумбы бил фонтанчик из разинутого ротика золотой рыбки. А теперь посреди розочек стояла на постаменте бронзовая Огуречная Лошадка. Будто остановившись и присев на задних ногах перед прыжком, она вскинула вверх передние копытца, а на спине у неё сидела девочка, тоже бронзовая, в ромашковом венке, и её голые пятки весело торчали вверх.

«Это, кажется, я», – остановилась Катя.

Возле памятника толпились иностранцы. Три группы. И экскурсоводы на трёх языках объясняли, что к чему и почему.

«И когда это всё успело сделаться? Может, она где-то здесь? Ведь говорят же о ней все: на базаре, на станции, в магазине. Спросить бы у кого, узнать, – думала Катя, бродя по дорожкам парка. – Может быть, она не пропала? Надо позвать её».

Катя оглядывалась, ища глазами, где бы сорвать травинку – узкую и остренькую, чтобы натянуть её струной в ладонях и дунуть хорошенько. Вдруг она появится!

Но травы, высокой сочной травы, не было. Там, где мощно кустились репейники и осот, там, где ещё в прошлом году было ослепительно много одуванчиков, теперь щетинилась постриженная, как под машинку, жёсткая травка. Газончики, газончики, а на них белые столы и стулья под пёстрыми зонтами: кафе, быстро и реклама, реклама...

Вдруг девочка увидела разноцветные ветряки и вертушки над крышей знакомого дома. «Вот кто мне нужен – Дачник-неудачник. Он всегда интересовался Лошадкой больше всех».

Дачник-неудачник давал интервью иностранцам. Седые фрау и герры щёлкали фотоаппаратами, жужжали кинокамерами, заглядывая в каждый закоулок невероятно интересной дачи. Вот когда пробил звёздный час Дачника-неудачника. Он ходил большими шагами вокруг своего сарая-мастерской, размахивал руками, объясняя, откуда Огуречная Лошадка разбегалась и как взлетала над забором. Он давал автографы и принимал красивые позы на фоне памятного монумента, сооружённого им посреди двора. Это была конструкция! Маленький бочонок из-под пива с самоварной трубой вместо головы.

Катя, удивляясь всё больше и больше, вошла в раскрытую настежь калитку. Хозяин, не переставая улыбаться иностранцам, распахнул Кате свои объятия.

– Да вот же она, эта чудесная девочка! Подружка моей Огуречной Лошадки! – И, притянув Катю к себе, он широко улыбнулся сразу во все видеокамеры и фотоаппараты.

– Пустите меня! – Катя вырвалась и бросилась бежать.

Дом Повара сиял как новогодняя ёлка, вспыхивая зелёным и красным неоновым светом. Нож и вилка, торчащие из рекламной курицы над входом, давали понять, что здесь вас вкусно и досыта накормят. Жирный дух шашлыка поднимался к небесам, заглушая запах скошенной травы.

Повар, всё такой же тощий, у раскрытого окна своей кухни деловито стучал ножом, и на весь переулок пахло жареным. Заметив Катю, он заулыбался и замахал руками, приглашая её зайти.

Во дворе у Повара толпились туристы. Он угощал их рассольником и огуречным салатом «Лучший друг». При этом он успевал помещивать поварёшкой в большом котле и раздавать автографы. В витрине посреди закусок красовалась его новая книга – бестселлер «Зелёный пришелец». На обложке Катя узнала себя верхом на Огуречной Лошадке. Бежать отсюда! Немедленно!

Дорога привела её к старому, заброшенному аэродрому. Здесь они с Огуречной Лошадкой много раз скакали, разгоняясь, прежде чем взлететь. Только здесь пока ещё ничего не изменилось. Между плотно пригнанными каменными плитами прорастала гусиная травка и подорожник. Катя сорвала травинку, зажала её ладонями так, что та натянулась зелёной стрункой, и дунула. Раздался переливчатый долгий звук. Катя засмеялась... и вдруг – ту-дух, ту-дух, ту-дух! – к ней мчалась, закинув рогатую башку, коза Алексашенька.

– Всё... всё... всё... не могу... не... не могу больше... – тяжело поводя боками, проблеяла она, валясь с копыт.

Некоторое время она лежала, будто в обмороке, потом засучила ногами, дёрнула хвостиком и поднялась.

– От кого это ты так удирала? – спросила Катя.

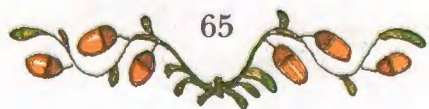
– Ни от кого. Я тренируюсь. – Алексашенька перевела дух.

– Зачем?

– Зачем-зачем... Всё-то тебе расскажи. Полина говорит, что мы с Огуречной Лошадкой сёстры, что мы с ней родные по матери, только отцы у нас разные. А так – и происхождение, и воспитание, и даже внешность у нас как у близнецов.

Катя от удивления не могла вымолвить ни слова. Коза поняла, что круто загнула.

– Ну да, ну да... Вымя и рога... ну, ещё шерсть и всё такое прочее, – мямлила она, смягчая сказанное. – Всем этим я пошла в отцовскую родню, но вот четыре ноги, копытца, зелёные глаза и кроткий нрав –

это нам с Огуречной Лошадкой досталось от мамочки. Фу, как я заболталась, а мне надо работать над собой. Всё вроде получается: и скорость есть, и резвость, вот только полётности нет. Но это даёт тренировкой. – Коза уже присела, чтобы скакнуть и умчаться, но вдруг передумала. – Слушай, хочешь прокатиться? Садись, садись, – подставила она спину, – я ещё никого не катала.

Катя потопталась нерешительно.

– Да садись же, не стесняйся! – пританцовывала от нетерпения Алексашенька.

И Катя села.

– Ну как?

– Нормально, – вежливо ответила Катя, чтобы не обидеть козу.

Ей было жёстко, тряско, она уже пожалела, что согласилась кататься, а коза всё не унималась.

– Ещё немного, и я буду летать. Главное – секрет разгадать, как это делать. Ты ведь, наверно, знаешь? – скосила она на Катю жёлтый глаз. – Научить можешь? Ты не думай, я отблагодарю! Я ведь как мыслю, – доверительно рассуждала она, – я ведь знаю, что настоящей-то твоей Лошадки нет. А я – вот она! Её, прежнюю-то, кто видел? Ты, Полина, Повар да этот горе-изобретатель, – труся по аэродрому, болтала Коза. – Полина за меня всегда. Это точно. Испытано, А эти два недоумка ничего не докажут. Да и кто их слушать станет?

«Как бы соскочить?» – думала Катя.

Ей стало как-то стыдно. Она тут же пожалела, что согласилась прокатиться на этой проклятой козе. И спина у неё какая-то колкая и костлявая, и воняет от неё чем-то. Зелёнкой, что ли?

– Теперь я – Огуречная Лошадка! Я! – радостно вопила коза, набирая скорость.

Катя изо всех сил держалась за рога. Её трясло и мотало просто ужас как!

– Сто-о-ой! Стой! – кричала она, но коза ничего не слышала.

Выпучив жёлтые глазищи, Алексашенька орала, перекрывая ветер:

– Береги-и-ись! Разойди-и-сь! Задавлю-ю-у-у!

Вдруг где-то у козы под мышкой запищал телефон. Коза тормознула, подняв тучи пыли, и заблеяла в мобильник.

– Да! Я. Я. Порядок... Понято... Забиваем стрелку через час. О'кей!

Катя уже совсем было сползла с её тощей спины, но коза почувствовала её намерение удрать и, ловко подкинув её задом, чтобы не съезжала, радостно затараторила:

– Ты мне нужна. У меня теперь есть спонсор, такое шоу закрутим! «Девочка и Огуречная Лошадка!» В общем, соглашайся! Я – Огуречная Лошадка, а ты – моя девочка.

Они уже подъезжали к опушке леса. Над деревьями высоко поднимался единственный дуб. Старый знакомый. Здесь была мягкая гусиная травка, и Катя приготовилась падать. Она отпустила рога и кубарем полетела в кусты.

На ветке дуба сидел Дятел. Да-да! Всё в том же, но теперь слегка потёртом чёрном жилете и в красном, немного полинявшем картузике.

– Дятел! Здравствуй, Дятел!

Дятел церемонно поклонился и шаркнул ножкой:

– С мягкой посадкой. Ты что, с дуба свалилась?

– Да нет, это я с козы Алексашеньки, – вставая и отряхивая платье, засмеялась Катя.

– А она здесь всё время тренируется. Пойдём ко мне в гости, – приплясывал Дятел на ветке. – Потолкуем, чайку попьем, славно проведем вечерок. Я, признаюсь, старый сплетник, очень люблю всякие новости!

– А что белки? Как они? Живы-здоровы? – спрашивала Катя, ставя ногу на нижнюю ступеньку знакомой лесенки, иссушенной солнцем и ветрами.

– О! Профессор Хвостатов пережил большое горе. Белочка заболела от простуды и умерла в феврале, когда были сильные ветры и морозы. Он очень плакал. Но пришла весна, и он снова женился. И знаете, Катенька, кажется, опять очень удачно. Его новая жена – Кротиха. Да-да! Надо же, совершенно противоположные натуры, абсолютно разные характеры. И вот тебе на! – Дятел пожимал плечами, крутил носом, и непонятно было, рад он за профессора или осуждает его.

Он открыл маленькую круглую дверцу и пропустил гостью в своё гнездо.

– А я, знаете ли, убеждённый холостяк, – вздохнул Дятел. – Живу один. Была у меня жена Дятлиха – настырная, носатая, упрямая! Упрётся в своё – и долбит, и долбит... Но я её передолбил, и она меня бросила. Вот теперь один.

Кате было всё это удивительно и немного смешно, но она боялась, что Дятел перестанет рассказывать ей свои трогательные истории, и слушала, не сводя с него глаз.

– А вчера я влюбился в Синицу, – радостно блестя глазами, продолжал он почему-то шёпотом. – Умница! Красавица! Певица! Но разве она пойдёт за меня, дурака старого? – Бедняга сокрушённо вздохнул.

Катя с любопытством оглядывалась. По стенам развешано множество полочек, сделанных из сучочков и щепочек. Они были набиты всякой всячиной: журналами, растрёпанными книжечками. Как-то бочком в угол входил маленький письменный стол, к которому были привёрнуты чёрные тисочки. Лежали отвертки, молоточки, лупа, а в выдвинутых ящиках, в коробочках и баночках теснились мелкие винтики-шурупчики и прочая мелочь.

– Вот так и живу. Чиню магнитофоны, часы, телевизоры.

На этом же столе стояла сковородка с жареными семечками и закопчённый заварочный чайник.

Самодельный деревянный абажурчик бросал полосатые тени на потолок и на потёртый коврик на полу. Катя почувствовала себя очень уютно. Она с удовольствием уселась в старое плюшевое кресло, такое продавленное, что оно напоминало гнездо.

– С ножками, с ножками! – подсказал Дятел. – Залезай без церемоний.

И Катя, скинув босоножки, поджала под себя ноги. Маленький, чуть больше спичечного коробка телевизор мерцал в углу. Знакомые дикторы вели свои передачи, и нахальная реклама всё время перебивала их: «Огуречный лосьон», «Огуречный крем», «Огуречный шампунь»... И везде – на банках, пузырьках и этикетках – красовалась её Огуречная Лошадка и она сама у неё на спине в ромашковом венке.

– Что за чудеса! – изумлялась Катя.

– Ну, поняла теперь, почему тут все с ума посходили? – рассмеялся Дятел.

Он налил Кате чаю в большую синюю чашку и сам присел рядышком с такой же большой кружкой. Когда был выпит весь чай, Катя знала все секреты всех жителей леса. И Дятел тоже узнал один секрет – Катин. Про заветный узелочек с семечками от Огуречной Лошадки.

Поклявшись страшной клятвой: «Чтоб мне остаться без носа, если проболтаюсь!» – Дятел попрощался с Катей до завтра.

– Осторожней, не упади! Держись за перила, – заботливо напомнил он, высунув нос из-за двери.

С соседней ветки шарахнулись две вороны. Они, как всегда, подслушивали.

Тётка Полина примчалась с рынка на велосипеде, приткнула руль к забору, нацепила очки и, выхватив из корзины на багажнике газету, принялась читать. Потом забегала по дому, чертыхаясь и ахая.

– Это что ж это делается-то! Ай-ай-ай! Вот знать бы, соломки бы подстелить... В руках, можно сказать, миллионы держала и упустила! – бормотала она, направляясь в огород к огуречной грядке. – Вот! Вот это место! – бормотала она. – Здесь она, моя ласточка, моя тютюлечка и родилась! Я, можно сказать, мать её родная, поливала её, подкармливала! А теперь, выходит, я одна остаюсь ни при чём!

И, решительно развернувшись, Полина понеслась назад к дому. Вскоре она вынесла доску, на которой обычно раскатывала лапшу. Теперь на ней, хотя и криво, но ярко, цветными фломастерами, было написано: «Здесь родилась Огуречная Лошадка!» Полюбовавшись своей работой, Полина приколотила доску над калиткой и принялась наводить чистоту и красоту.

– И у меня все о'кей! Культур-мультир не хуже чем у людей.

Она выдирала бурьян, расчищая дорожку от огуречной грядки к калитке, посыпая её песочком, ровняя, притаптывая.

С этим огуречным бумом Полине было не до козы, а та где-то пропадала. Совершенно от рук отбилась.

– Ну, вернись только. Я тебя выдою и выдеру.

Коза вернулась на другой день к вечеру, и не одна. Возле неё похаживал и по-деловому осматривал потолок, стены, крышу, окидывал взором усадебный участок какой-то элегантный старичок с хризантемой в кармашке сиреневого пиджака.

– Проходите. Это моя домработница, – кивнула она на Полину.

Бедная старушка попятилась и села мимо стула. У её козы не было рогов! Хвостик был теперь похож не на кисточку для бритья, а остреньким шильцем торчал вверх. Куда-то делось вымя, вся она была гладко выбрита. И это ещё не всё. Она была зелёная и отлакированная до блеска!

И начался суровый разговор.

– Какое тебе молоко копеечное! – топала ногами коза. – Я такое дело раскручиваю! Сама ж говорила: похожа, похожа, а теперь опять за своё? Молоко ей подавай! У меня уже всё получается. Я, может, завтра взлечу!

– Да будет тебе! Взлетела одна такая, – махнула рукой бабка. – Где взлетишь, там и сядешь.

– Завтра у меня встреча с испанцами, послезавтра – с итальянцами. Я уезжаю на гастроли в Америку!

Болтая, Коза раскладывала по столу, кровати и подоконнику фотографии.

– Узнаёшь? То-то!

Яркие снимки изображали Алексашеньку в виде Огуречной Лошадки. Вот она резвится с детьми на песчаном острове среди пальм и фламинго. Вот она летит с девочкой на спине над морями-океанами, а вот скачет по горам по долам.

Ахая и близоруко щурясь, тётка Полина рассматривала фото.

– Вроде... ты. Или не ты? – недоумевала она. – И когда успела-то? Море, горы... Разве ты где дальше этого леса была?

– Ой, вообще! Вот серость! Это ж современная техника! Компьютерная графика! – блеяла Алексашенька, выкатывая свои зелёные глазщи. – Как, похожа я на Огуречную Лошадку? – победно наступала она на Полину. – Вот то-то и оно, что похожа!

– А я-то теперь как же? – взмолилась Полина.

– Со мной не пропадёшь. Будешь у меня по хозяйству. Не реви, не реви. Лучше делом займись – грязищу развела, ступить некуда!

Да пошевеливайся! А я в косметический кабинет. Массаж да макияж... Оттуда сразу на вернисаж. Вернусь, как освобожусь, ближе к ночи.

За калиткой раздался нетерпеливый автомобильный гудок. Коза чмокнула Полину в щёчку и, виляя задом, процокала по лестнице.

– Гуд бай!

– И на кого ж ты меня бросаешь! – завывала Полина. – Как же?.. За что же? – Она заголосила на весь посёлок и выбежала за калитку, но её Алексашеньки и след простыл.

Только пыль долго стояла туманом, оседая на сирени.

Наутро к Кате прибежал Повар.

– Их надо немедленно разделить поровну.

– Что? Что такое? Я ничего не понимаю! – отбивалась от него Катя.

– Я имею в виду волшебные семечки! Вот! Вот же они! В твоём кармане!

Подлетели две вороны.

– Не зажимай! Мы знаем, они у тебя! Мы всё слышали!

– Вот-вот! Весь посёлок знает, а она не знает! – не отставал Повар. – Я протестую! Семечки общие! Это народное добро! И нечего присваивать! Это грабёж! Подсудное дело! Я требую конфисковать и посеять!

Повар разгорячился, стал красным и размахивал руками, призывая свидетелей. Зеваки собирались, толпились вокруг него. Воодушевлённый их поддержкой, он влез на перевёрнутый мусорный ящик и заговорил громко, на весь посёлок:

– Товарищи! Граждане! Дамы и господа! Семечки волшебные! Посев взойдёт немедленно. И тогда, вы представляете, вырастет целый эскадрон Огуречных Лошадок. Это будет грандиозно. В наших лесах будут пастись табуны Огуречных Лошадок. Они будут размножаться на лужайках и полянах. И наш лес станет знаменитым. Ничуть не хуже африканского заповедника. Львы, носороги, слоны, бегемоты – это всё старо и немодно! Это пройденный этап. И охота на них никого нынче не удивляет. А тут такое невиданное чудо. И где? В нашем

скромном, ничем не знаменитом лесопарке! На нас с завистью оглянется весь мир. Все туристы сразу ринутся сюда. Тут такое развернётся! Такое завертится-закрутится! Рестораны, кафе, быстро, пивные, чайные, торговля с лотков! И везде угощения будут готовиться по рецептам моей фирмы. Огуречные Лошадки во фритюре! С подливкой! Жареные, солёные, печёные... Бесконечное количество вариантов. И на всех этикетках мой портрет в обнимку с Огуречной Лошадкой. А если вы выберете меня президентом фирмы, я сделаю каждого из вас счастливым. Это однозначно!

Но Повара уже сталкивали с мусорного ящика, и пробившийся сквозь толпу Дачник-неудачник размахивал лётным шлемом, зажатым в кулаке:

– Граждане соотечественники, помогите убедить девочку! Девочка! Ну что ты упрямишься? Почему не хочешь дать дорогу прогрессу? Ведь это же свинство: зажимать семечки. Как собака на сене, честное слово... Ну, не хочешь поделиться по-честному – продай. По доллару за штучку. Ну по два... ну по десять! В конце-то концов! Мы скинемся! Соглашайся. Не то худо будет. Силой возьмём!

Катя еле выбралась из толпы. За ней побежали все желающие иметь во что бы то ни стало свою собственную Огуречную Лошадку. Несли наскоро намалёванные плакаты: «Огуречную Лошадь – каждому!»

– Дятел – предатель! Дятел – предатель! – твердила Катя, и слёзы мешали ей смотреть под ноги.

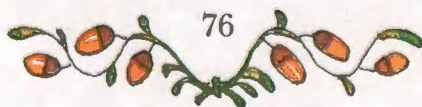
– Я не виноват! – раздалось у неё над головой.

Дятел, взъерошенный и несчастный, в съехавшем на макушку картузике летел рядом с ней и кричал на лету:

– Я не виноват! Поверь! Нас подслушали! Мои соседки – вороны. Это они разболтали! Я не предатель.

Катя свернула в первый же переулок и... налетела на тётку Полину. Та поймала её в крепкие объятия:

– Детка! Да кто за тобой гонится? Пойдём ко мне. У меня отсидишься. Отдохнёшь. Молочка попьёшь! Не плачь, детка, молчи, молчи... – Будто напевая, убаюкивая, вела она её к дому.

Катя понемногу успокаивалась, а тётка Полина уже взбивала подушки.

– Вот и хорошо. И ложись на постельку, и засыпай, – пела тётка Полина, разувая её и укладывая поудобнее. – Спи, глазок, спи, другой... Баю-бай! Баю-бай!

Сквозь сон Катя слышала, как Дятел стучал клювом в стекло, будто предупреждая её об опасности, но не в силах была оторвать голову от подушки.

А Полина, не теряя времени, обшаривала её.

– Что получится у моей Алексашеньки, ещё неизвестно. А у меня – вот оно! Своё! – подкинула она на ладони украденный узелочек с семенами. – Посажу и озолочусь! И ни от кого не завишу.

Катя проснулась только под вечер. Сунула руку в карман. Узелочка не было. На форточке сидел Дятел и стучал клювом в стекло. А над ним радостно орали вороны:

– Обокрали! Обокрали! Обманули дурака на четыре кулака!

– Горе-то, горе... Плачь не плачь – не вернёшь. – Дятел только качал головой. – Пойдём-ка к профессору Хвостатову. Он умный, а Кротиха у него ещё умней.

Профессор мыл посуду. Кисточки его ушей и хвост ещё больше поредели, но глазки светились тихой радостью.

– Кротя! Кто к нам пришёл! – воскликнул он, снимая фартук, и бросился обнимать Катю.

Дятел, смущённо и радостно улыбаясь, топтался рядом.

Кротиха, в бархатном коричневом халате, в золотых очках, выплыла из своей спаленки с журналом в толстой лапе.

– Мивый! Постафь сяйнисек, а то у меня стой-то гоовка боит...

– Да что там! Мы сейчас поможем! – отозвался Дятел.

Вдвоём с профессором они быстренько собрали угощение. Дятел открыл клювом банку сардин. Хвостатов – чик-чик-чик – нарезал хлеба. Катя заварила чай.

– Вот и снова вместе! – потирая сухонькие лапки и улыбаясь, сказал профессор.

– А мы по делу, – с ходу начал Дятел.

Катя и моргнуть не успела, как он всё рассказал. Профессор слушал, качая головой, и кисточки его ушей тоже мерно покачивались. Он не знал, что делать. Зато Кротиха, оторвавшись от своего журнала и глядя поверх золотых очков, вдруг сказала:

– А сто вы войнуетесь-то? Подумаес, деёв-то. Пускай себе сазают семеськи. А уязай мы снимем. И фсё. И ясатки – насы!

– А как? – почесал Дятел в затылке.

– А вот как: мои ётственники зывут в огоёде у тётки Полины, и у этого изобьетателя дуяцкого, и у этого дуяка Повая. Сказу им, стоб стаязыли, а как поспеет уязай – съязу собияли. Нотью. Когда темно. Вот и фсё! И фсё в поядке! Насы фсе ясатки! – И Кротя засмеялась так, что её бархатное брюшко заколыхалось.

– А что! – Дятел подпрыгнул и посмотрел на всех одобрительно. – Нам больше ничего не остаётся делать.

От радости, что всё ещё можно спасти, и Хвостатов, и Катя, и Дятел развеселились. Хвостатов подсел к своему фортепьяно и сыграл весёлую полечку. Кротя слезла с дивана и, навалившись на плечо дорожного муженька, запела каким-то невероятно тоненьким голоском:

*Сю-сю-сю, довогой, сю-сю-сю!
Я тебя один аз укусю!
Усю зызынь свою погубью,
Потому сто тебя я юбью.*

А вороны всё носились над посёлком и орали: «Кража века! Кража века!» Повар и Дачник-неудачник решили не тратить время зря и в окружении сочувствующей толпы ещё выше подняли свои транспаранты и пошли на штурм Полининой дачи.

Тётка Полина в это время спешила в огород, чтобы немедленно посадить семечки. Повар и Дачник-Неудачник крепко схватили её и принялись качать. «Да здравствует наша лучшая молочница!» – редела толпа и, радостно вопя «ура!», подбрасывала её до тех пор, пока

из неё вместе со шпильками и мелочью не вылетел узелочек с семенами. Повар упал на него животом, но Дачник-неудачник успел упредить его, наступив на платочек сапогом. Через минуту они уже катались по земле, отнимая его друг у друга. Опомнившись, тётка Полина кинулась сверху и крепко вцепилась зубами в орден на жирной груди Дачника-неудачника, а цепкие пальцы запустила Повару за шиворот. Оба завизжали. Один от оскорбления, другой от щекотки, и все трое покатались по земле. Вырываемый друг у друга жадными руками узелочек вдруг развязался, и семечки рассыпались.

– Чур, мои! – Толкаясь, они стали сгребать горстями землю вместе с окурками и мусором и рассовывать её по карманам.

Ну и свалка была! К ним кинулись со всех сторон сочувствующие представители из толпы. Кому удалось схватить одно-два зёрнышка, считались счастливыми. Они поскорее выдирались из куча-мала и бежали домой сажать. А другие, вздыхая и сетуя, что им, как всегда, не повезло, расходились по домам.

Тётка Полина вернулась домой лохматая, без пуговиц и в одном башмаке. Разжав кулак, она высыпала на ступеньку лестницы горсточку пыли с двумя окурками и подсолнечной лузгой. Огуречных семечек – ни одного. Бедная тётка Полина заплакала. Потом тяжело встала, доковыляла до угла дома, умылась дождевой водой из бочки:

– Ну и ладно! Не больно-то и хотелось. Тьфу на них!

Дачник-неудачник не торопился сеять драгоценные семена. Их было всего пять. Он тщательно очистил их от пыли, положил на блюдечко на мокрую тряпочку и накрыл стаканом. А сам поспешил в сад, где уже давно ждала посадки специально возделанная грядочка. Земля здесь была просеяна через сито, удобрена и разровнена частыми грабельками. Он обошёл её кругом, полил хорошенько из лейки и вернулся на террасу.

Стакан торчал над столом. Огромные стебли, как пять пальцев, поднимали стакан всё выше и выше. Семечки дали могучие побеги. Мгновенно! Дачник-неудачник схватил блюдце и, придерживая качающиеся ростки, понёс его осторожно к грядке.

Не успел он опустить корешки в землю и примять её вокруг, как бледно-зелёные семядоли раздвоились и превратились в пропеллеры. Они завертелись на ветерке. От удивления бывший авиатор остолбенел.

– Схожу с ума, – теряя сознание, повалился он в смородиновый куст.

Очнулся он, когда процесс развития волшебных семян уже шёл полным ходом. Из грядки наполовину вылезли хорошенькие фюзеляжики, распрямлялись поблескивающие алюминием крылья. Ещё мгновение, и один за другим в небо вырвались пять блестящих самолётиков. Они сверкнули на солнце серебристыми рыбками и растаяли в вечернем небе. Всё. Будто и ничего не было. Бедняга остался сидеть под смородиновым кустом в полном недоумении.

Наконец он поднялся. Тяжело ступая, подошёл к умывальнику, долго смотрел на себя в зеркало. Умылся, на всякий случай.

– Чудеса! – потряс он головой. – Интересно, что у Повара получилось?

И он, крадучись, на цыпочках, подбежал к забору и сквозь щели в штакетнике стал высматривать, что там и как.

У Повара было всё замечательно. Уже зеленели огуречные листочки. Они увеличивались прямо на глазах, разрастались, из-под них высовывались жёлтые длинные бутоны и, тут же лопаясь, раскрывались в большие жёлтые цветы. Они были величиной с настоящие граммофонные трубы. Повар довольно потирал ручки. Вот сейчас что-то произойдёт и эти гигантские душистые граммофоны превратятся в Огуречных Лошадок!

В ожидании необыкновенного зрелища на забор со всех сторон мало-помалу влезали зрители. Правда, сначала они только скромно заглядывали в щели и через штакетник, но потом, подпираемые любопытствующей толпой, поднимались всё выше и выше и наконец без зазрения совести почти по пояс перевесились через забор.

– Вот это да! Ну и ну! – ахали со всех сторон.

– Кыш! Куда вы?! – спохватился Повар.

Но забор затрещал и со скрипом повалился на кусты крыжовника и малины. А раз забора нет, то чего уж теперь, чего стесняться-то!

И все, сгорая от любопытства, полезли вперёд. Повар, не в силах сдержать оголтелую толпу, растопырив руки, бегал вокруг грядки, где, набирая силу, мощно цвели гигантские цветы.

– Эй, передние! Встаньте пошире! Присядьте! Пригнитесь! – кричали, напирая, вновь прибывшие ротозеи.

Повар со слезами на глазах умолял разойтись, не лезть и наконец заорал в отчаянии:

– Караул! Милиция!

Да где там! Какая милиция, когда все милиционеры сами давным-давно свешивались со столбов и деревьев, обнимая их крепкими ручищами и коленками.

Когда приехали корреспонденты и попытались с камерами и фотоаппаратами пробиться к месту происшествия, снимать было нечего. Грядку сровняли с землёй. Усталые, но довольные, что всё увидели своими глазами, очевидцы расходились, волоча на ногах обрывки жёлто-зелёной ботвы. А вдоль по просёлочной дороге машина «скорой помощи» увозила похихатывающего Дачника-неудачника.

Муравей тащил семечко. Оно елозило по спине, сползло то на один, то на другой бок. Но он, спотыкаясь и покачиваясь, всё же шёл и шёл по лесной дороге, огибая огромные сосновые шишки, взбираясь на скрюченные корни, как на горные вершины, и спускаясь вниз. Перелезая через толстый сук, преградивший ему дорогу, Муравей потерял равновесие и кубарем полетел вниз, но и, прощаясь с жизнью, не выпустил добычу, а ещё крепче вцепился в неё лапками.

Куда его занесло? Он открыл глаза: темно. «Нора, что ли, чья-нибудь? – рассуждал он, вытряхивая песок из карманов. – Темно-то как. У норы должен быть выход, – быстренько сообразил он, – значит, где-то должен быть свет. А тут глухо».

Он испугался. Тараща глаза в темноту, он вертел головой, тыкался туда-сюда, но вокруг только осыпалась и уплотнялась земля. Всё. Не выбраться.

Муравей снял майку, кепочку и принялся изо всей мочи работать лапками. Ещё не всё. Ещё не всё... Ещё поборемся! Он сучил и сучил лапками, пока совсем не выбился из сил. Тогда он затих. Лёг на семечко, как на матрасик, закрыл глаза и стал тихо вспоминать, что хорошего было в его жизни.

А хорошего было много. Ну конечно, друзья-муравьи. Как вкалывали на заготовке сосновых иголок. Как потом вечером возвращались в свой муравейник к муравьям и муравьишкам... И жаль ему стало большеглазую Муравьюху с мягким брюшком, и заплакал он горько, утирая усики смятой кепочкой.

Он не помнил, сколько прошло времени. Может, уже и не часы шли, а дни, как он сидит здесь, засыпанный землёй навеки. Он ещё немного поплакал, потом вздохнул, надел майку, заправил её в штанишки, надел кепочку набочок и решил, что должен выглядеть достойно, если его, дохлого, вдруг откопают. Но тут семечко под ним стало шевелиться. Намокнув от муравьиных слёз, оно разбухло, треснуло, и зелёный росток полез вверх. Муравей вцепился в него изо всех сил и, закрыв глаза, замер. Он чувствовал, как вместе с ростком буравит землю, протискиваясь через шершавые песчинки и камешки.

Наконец яркий свет брызнул Муравью в глаза, и он зажмурился и вздохнул радостно и свободно. Он твёрдо стоял на земле. Он был спасён!

Муравей отряхнулся, посмотрел на стебелёк, который спас его, и очень удивился: «Никогда не видел, чтобы что-нибудь так быстро росло!»

Огуречная плеть, быстро, как в мультфильме, ползла по стволу тонкой берёзки, выбрасывая длинные завитушки усов и цепляясь ими за всё на своём пути. Бутоны набирали силу и с хрустом лопались, превращаясь в огромные цветы. Пчёлы и бабочки тут же слетались на пир.

Муравей заглянул в один из цветков. Там, в глубине душистого тоннеля, зеленела шишечка завязи. Вдруг лепестки отпали сами собой, и эта зелёная шишечка превратилась в маленький огурчик. Муравей внимательно всматривался в него.

— Это какой-то странный огурчик. Вот чудо! Кому рассказать — не поверят!

Один из бутонов закачался, лепестки зашевелились, и из него, пыхтя, вылез шмель.

– Ну что там? Что там внутри? – затормошил его Муравей.

– Ф-ф-фу! Пыльцы много, а так ничего особенного! – сказал Шмель и, тяжело поднявшись, улетел.

– Нет, не полезу, – решил Муравей, – хватит с меня, и так чудом жив остался. Надо скорее позвать кого-нибудь поумнее! Кого? Профессор Хвостатов! Вот кто нужен! – решил он и со всех ног бросился бежать к большому дубу на опушке.

Чудесная Лошадка продолжала расти: вот огуречное брюшко, головка с ушками-листочками, свёрнутыми трубочкой. Она, будто просыпаясь, потянулась, открыла глазки и встала на тонкие ноги.

А в это время на кухне у профессора Хвостатова Дятел делился последними новостями.

– Ни у кого ничего не выросло! Ничего!

– И не могё нисево выявить, – авторитетно глядя на него сквозь золотые очки, говорила Кротиха. – Это же абсюрд – из огуречного семёска мозет поютиться тойко огурец. Закон пьиёды!

Хвостатов согласно кивал, сидя за своим фортепьяно, и, будто вспоминая что-то далёкое и счастливое, легко перебирал клавиши. Музыка была та самая, которую он часто играл, когда в гости прибегали Огуречная Лошадка с Катей. Дятел, грустно опустив нос, вздыхая, заплетал косички из бахромы скатерти.

Телевизор, забытый всеми, продолжал светиться. Дятел машинально смотрел на экран и вдруг подскочил к нему и прибавил громкость. На экране была коза Алексашенька, как две капли воды похожая на Огуречную Лошадку. Репортёры, толкаясь, просовывали к её морде микрофоны. Коза тарасила нахальные глазищи в телекамеры и блеяла:

– Дружба со мной – это райское наслаждение! Кто со мной подружится, обретёт уверенность в себе! Меня часто спрашивают, как я пришла к успеху. Очень просто: мой девиз – открой себя, не дай себе засохнуть!

– Каковы ваши планы?

– Я улетаю на гастроли по стране, а после этого в Голливуд. Меня пригласили сниматься в сериале, где я сыграю саму себя.

Под конец коза передала привет своей подружке Кате и всем-всем-всем, кто помог ей подняться на вершину славы.

– Узяс какая дезинфоймация, – отозвалась из кресла Кротиха и снова уткнулась в журналчик.

– Вот враньё так враньё! – возмущался профессор.

– Наглость какая! Что она себе позволяет, эта коза? – возмутился Дятел. – Теперь все будут думать, что эта зелёная уродка и есть Огуречная Лошадка! Не могу больше! – И выключил телевизор. – Пойду к себе, забудусь... Фу, гадость какая!

– Ку-ку! – прокуковала старушка и погрозила пальчиком из окошка деревянных часов.

– Ой, мне пора! Меня бабушка ждёт, – сказала Катя. – Только можно мне заглянуть в волшебную книгу ещё разочек?

– Да конечно! – Хвостатов потянул на себя с полки за корешок толстый том. – Вот она. Совсем запылилась. Я как-то о ней и забыл, давно не доставал. Знаешь что? Давай я тебе её подарю. Откроешь – и твоя Лошадка оживёт.

Кротя сдвинула чашки в сторону, и Катя, тут же пристроив книгу на краешке стола, стала осторожно перелистывать страницы. Картинки оживали и появлялись новые, которых в прошлом году не было. Муравей с семечком на спине проваливается в яму... А вот он выбирается на поверхность, вцепившись в зелёный росток... А вот цветущая огуречная плеть обвила берёзку... А потом ещё картинка: только что родившаяся Огуречная Лошадка выбирается из огуречной ботвы на дорогу.

– Живая! – воскликнули все разом.

– Да сто мы пейезываем, расстяживаемся!.. – вдруг радостно воскликнула Кротя. – Да пусть их, пусть фсе думают, сто это тюдо-юдо – истинная Огуречная Ясядка. Пусть себе забьюздаюца! Наса-то, наса-то вот она!

Дачник-неудачник звонил в это время Повару и орал в трубку:

– Они надули нас! Это Полинина коза, а вовсе не Огуречная Лошадка!

– Аферистки! – вопил в ответ Повар, прыгая у своего телевизора. – Это ж надо, звезда нашлась, коза безрогая! Мы их выведем на чистую воду!

Дачник-неудачник выкатил свой мотоцикл из гаража. Повар прыгнул в коляску, и они помчались на телецентр в Останкино.

– Ах, ты! Какие шустрые! Ишь, разоблачители! Я вам разоблачу! – погрозила им вслед тётка Полина. – У меня тоже небось свой транспорт есть – велосипед! – И она, оседлав дребезжащий драндулет, покатила за ними – защищать родную Алексашеньку.

Серебристый самолёт, описав круг над посёлком и качнув приветливо крылом над крышей дома тётки Полины, взял курс на закат.

А Лошадка, весело переступая ножками, бегала там, в глубине картинки, вокруг старого дуба, на котором они все сейчас сидели.

– Она здесь! Ищет меня! – догадалась Катя и, захлопнув книгу, выскочила за порог.

– Я здесь! Я здесь! – кричала Катя, бегом спускаясь по винтовой лесенке.

Скорее, скорее! Главное – подать сигнал! Лошадка услышит, должна узнать.

Катя сорвала травинку, натянула её в ладонях зелёной стрункой, дунула раз, другой. Раздался переливчатый долгий звук. Она повторила его ещё и ещё раз. Тишина. Только ветер свистит в ветвях дуба.

«Какая я глупая! – Девочка стояла в тишине и грустно размышляла. – Ведь это сказочная книга и картинки сказочные. Значит, ничего нельзя вернуть. Надо спокойно проститься... спокойно проститься и ждать...» – вспомнила она прощальные слова своей Огуречной Лошадки.

Она присела на ступеньку лестницы.

– Кого ждать? – спросила она сама себя.

– Меня! – сказал кто-то рядом.

Катя осмотрелась и увидела своего старого знакомого, Муравья, в лихо сбитой набок кепке и полосатой тельняшке.

– Пойдём, что я тебе покажу! Удивишься!

Катя посадила Муравья на ладошку, и они пошли в чащу леса.

И тут Катя услышала, как по тропинке мелко застучали копытца и лес огласился звонким ржанием. К ней бежала Огуречная Лошадка!

– Эй! Я здесь! – закричала Катя.

– Здравствуй, девочка. Как тебя зовут?

Блестящие зёрнышки-глазки смотрели весело, дружелюбно, но Лошадка явно не узнавала её.

– Ты же меня знаешь! Я – Катя! Это я, я! Ты что же, меня забыла?

Лошадка потопталась смущённо.

– Я только что родилась, вон там. – И она кивнула в сторону смятой огуречной ботвы под берёзой. – Вот он подтвердит, он видел.

Муравей кивнул.

– Но я никому не скажу! Прощайте! – подмигнул он, взмахнул кепкой и скрылся в густой траве.

– Ты тоже никому не говори, – сказала Огуречная Лошадка, – а то я сразу завяну, как только обо мне узнают. Приходи сюда, к дубу. Сорви травинку, натяни её потуже в ладонях и дунь три раза. Попробуй! Получится, будто петух кричит.

Катя сорвала травинку, удивляясь, что Лошадка учит её, словно она и так не умеет.

– Дуй сильнее! – командовала Лошадка.

Переливчатый звонкий звук разнёсся по лесу.

– Ну, садись скорее!

Катя ловко вспрыгнула на звонкую спину. Копытца застучали по лесной тропинке всё быстрее, и вот уже хлещет по коленкам высокая трава, и ромашковый луг несётся навстречу.

В лицо ударила свежая волна ветра, и Катя сильнее обняла свою Лошадку:

– Поскачем, полетим, понесёмся!

– Поскачем, полетим, понесёмся!

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44
ЛЗЗ

Для чтения взрослыми детям

ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗКУ

ЛЕБЕДЕВА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОГУРЕЧНОЙ ЛОШАДКИ

Сказка

Ответственный редактор *А. Бирюкова*
Художественный редактор *Е. Соколов*
Технический редактор *Т. Андреева*
Корректоры *Н. Соколова, К. Каревская*
Компьютерная верстка *О. Краюшкина*

ISBN 978-5-389-00157-2

© Г. Лебедева. Текст, 2008
© ООО «Издательская Группа Аттикус», 2008
Machaon®

Подписано в печать 23.02.2008. Формат 84×108^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 7886.

ООО «Издательская Группа Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon
119991, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-7600, факс (495) 933-7620
E-mail: sales@machaon.net

Наш адрес в Интернете: www.machaon.net
ГС № 77.99.60.953.Д.011615.10.07 от 03.10.2007

ОПТОВАЯ И МЕЛКООПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ

В Москве:
Книжная ярмарка в СК «Олимпийский»
129090, Москва, Олимпийский проспект, д. 16,
станция метро «Проспект Мира»
Тел. (495) 937-7858

В Санкт-Петербурге «Аттикус-СПб»:
198096, Санкт-Петербург, Кронштадтская ул., д. 11, 4-й этаж, офис 19
Тел./факс (812) 783-5284
E-mail: machaon-spb@mail.ru

В Киеве «Махаон-Украина»:
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел. (044) 490-9901
E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

31p
Вырос однажды на грядке огурчик.

И оказался он не простой, а волшебный. В один прекрасный день взял да и превратился в Лошадку, которая умела летать. Девочка Катя очень подружилась с Огуречной Лошадкой, и всё лето с утра до вечера они пропадали в поле и в лесу. Лошадка катала девочку на спине, и если у Лошадки было хорошее настроение, то Катя вместе с ней попадала прямиком в сказочную историю.

Вот так и начинается новое путешествие в сказку...

